

НАТАЛЬЯ
ЧАЦКАЯ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Скорость

СЕРДЦА

Наталья Чацкая

Скорость сердца

«Автор»

2026

Чацкая Н.

Скорость сердца / Н. Чацкая — «Автор», 2026

Ночная Москва под ним гудела, как раскалённый мотор. Макс Лебедев чувствовал город всем телом: холодный ветер резал лицо, свет фар размазывался в полосы, а в ответ на ускорение сердце выдавалось ещё быстрее. Байк был его стихия — он родился в этой скорости, в запахе бензина и в другом звуке, который понимали только такие, как он. А потом она появилась на его дорожке — белая как свеча в свете фонаря, с зелёными глазами, полными испуга и какого-то внутреннего огня. Он никогда не видел её раньше, и всё же в этот момент понял, что простой адреналин сменился на то, что было опаснее: истинное любопытство.

© Чацкая Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Адреналин на двоих. Первая встреча.	5
Глава 2: Ночной кошмар и спаситель из тьмы	9
Глава 3: Пробуждение в чужом мире	12
Глава 4: Тени прошлого и нежеланное притяжение	14
Глава 5: Сквозь трещины недоверия	17
Глава 6: Танец на грани	20
Глава 7: Доверие на скорости	23
Глава 8: Сентябрьская симфония	26
Глава 9: Осколки правды и невыносимое прощание	30
Глава 10: Архитектура пустоты и сломленная тишина	34
Глава 11: Украденное время. Крик отчаяния.	38
Глава 12: Исповедь на краю бездны	41
Глава 13: Тень третьего	44
Глава 14: Иллюзия нормальности и привкус пороха	47
Глава 1	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наталья Чацкая

Скорость сердца

Глава 1 Адреналин на двоих. Первая встреча.

Этот день для Алисы Василевской начался с привычной рутины. Шелест бумаг, монотонное клацанье клавиатуры, невыразительный гул кондиционера в офисе. В свои двадцать пять она была образцовой сотрудницей: пунктуальной, исполнительской, почти невидимой. Блондинка со стройной, но женственной фигурой, которую она привыкла скрывать под строгими деловыми костюмами, и глазами цвета молодой весенней листвы, она редко вызвала лишнего интерес. А если и вызвала, то предпочитала делать вид, что не замечает. Её мир был упорядочен и предсказуем, в нём не было места спонтанности или тем более опасному адреналину. Но, к её несчастью, у её близких друзей, Риты и Леры, на этот вечер были совершенно другие планы.

«Тебе нужно встряхнуться, Алиса! Ты совсем засохла в своих цифрах!» — визжала Рита, когда они вдвоем, подхватив Алису под руки, буквально затолкали её в такси. Лера, более спокойная, лишь одобрительно кивнула.

«Это будет сюрприз!» — пообещали они, и Алиса почувствовала, как по спине пробежал холодок предвкушения, смешанного со страхом. Она ненавидела сюрпризы, особенно те, которые вытаскивали её из зоны комфорта.

Макс Лебедев, тем временем, только заканчивал свой день в панорамном офисе «Лебедь-Строй», что возвышался над мерцающими огнями Третьего транспортного кольца. В свои двадцать девять он был воплощением дерзкого успеха: собственная строительная империя, миллиардные проекты, армия сотрудников. Днём он носил дорогие итальянские костюмы, сшитые на заказ, и отдавал жесткие распоряжения, но его истинная стихия начиналась после заката. Настоящий Макс Лебедев был в кожаной косухе, мчавшимся по ночной Москве на своём чёрном «Ducati». Жизнь его была полной чашей, но наполненной она была не столько счастьем, сколько жадной острой ощущений и постоянным бегством от внутренних демонов. Тяжелое детство, полная нищета и бесконечная борьба за место под солнцем, оставили на его душе невидимые шрамы и научили одному: любая привязанность — это слабость, а женщина — это всего лишь временное средство для снятия напряжения. Они легкодоступны, как новый байк в салоне, и так же быстро приедаются. Его девиз был прост и жесток: «Села на байк — дала». И он никогда не изменял своим принципам.

К полуночи, когда Алису привезли на Воробьевы горы, смотровая площадка уже гудела от рокота моторов. Воздух был пропитан запахом бензина и дорогих сигарет. Алиса вздрогнула, увидев припаркованный у обочины чёрный мотоцикл. Он выглядел как хищник, затаившийся в тени, готовый в любой момент сорваться с места. Её глаза выхватили фигуру, стоявшую у байка.

Макс Лебедев уже был там, окруженный своими друзьями — Дэном, Владом и вечно улыбающимся «Цыганом». Он заглушил двигатель своего «Ducati», и короткая тишина, возникшая в этот момент, была почти осязаемой. Макс снял шлем, провел рукой по своим коротко стриженным темным волосам. Его лицо было резким, скуластым, с волевым подбородком. Глаза, глубоко посаженные, казались почти черными в свете неоновых огней. Он был весь в татуировках — сложные сплетения кельтских узоров и японских мотивов покрывали его предплечья и шею, намекая на скрытую силу и бунтарский дух.

От него пахло бензином, дорогим парфюмом и чем-то неуловимо опасным. Он был высок, широкоплеч, и каждый его жест источал уверенность.

— Вот и наш герой, — ухмыльнулся Дэн, кивнув в сторону подошедшей Алисы с подругами.

Алиса чувствовала себя чужой, нелепой в своем скромном пальто, которое она по привычке прижимала к тонкой фигуре. Ветер трепал её светлые, чуть выющиеся волосы, а зелёные глаза, казалось, лихорадочно искали спасения. Она ощущала, как все взгляды прикованы к ней, и ей хотелось провалиться сквозь землю.

— Ты — Алиса? — голос Макса был низким, бархатным, с легкой хрипотцой, от которой по её спине пробежал электрический разряд. Он не смотрел на неё, он *сканировал* её.

Она подняла взгляд. Его глаза, темные и безразличные, остановились на ней. В них не было ни тени симпатии, ни даже любопытства, только холодная оценка. «Как он может быть таким красивым и таким пустым одновременно?» — пронеслось в голове Алисы. Она сглотнула, пытаясь выдавить из себя вежливое «да», но голос предал её. Она лишь неловко кивнула.

Макс бросил ей шлем, не заботясь о том, насколько он ей подойдёт. «Ну, что за хам!» — подумала Алиса, но подчинилась, понимая, что пути назад нет.

Когда она села на пассажирское сиденье, ей пришлось обхватить его за талию. Сквозь плотную кожу куртки она чувствовала твердые, рельефные мышцы его спины. Он был как раскаленная печь, излучающая мощь и неконтролируемую энергию. От его близости перехватило дыхание.

Поездка стала для Алисы настоящим испытанием. Макс гнал, как демон, намеренно входя в повороты на грани фолла, так, что асфальт казался совсем близко, а её сердце ухало в пятки. Она инстинктивно вцепилась в него, и в этом диком страхе, в крике, который чуть не вырвался из её груди, было всё: животный ужас, злость на подруг и на себя, и неожиданно проснувшееся, совершенно чужое ей желание чувствовать эту мощь, этот драйв, эту *жизнь*.

Когда байк замер на самом краю смотровой площадки, откуда открывался потрясающий вид на мерцающую огнями Москву, Алиса всё ещё тяжело дышала. Сердце колотилось в горле. Макс медленно повернул голову. Свет городских фонарей отражался в его глазах, делая их почти черными, бездонными. Он наконец снял шлем. Его лицо было равнодушным, но в уголках губ играла едва заметная усмешка. Он откинулся назад, одной рукой опираясь на руль, а другой, жесткой и горячей, легонько коснулся её колена. Его пальцы скользнули вверх по бедру, властно требуя внимания, пока не достигли самого интимного места, чуть надавливая.

— Ты хорошо держишься для скромницы, — прошептал он, склонившись к её уху. Его дыхание опалило кожу. — Но в моем мире всё просто, Алиса. Если села на байк, значит, уже дала.

Его пальцы на секунду замерли, ожидая реакции. Алиса почувствовала, как её тело охватило стыд, смешанный с неконтролируемой яростью.словно электрический разряд пронзил её. Застыв на долю секунды, она не думала, не взвешивала, её ладонь сама, по инерции, нашла его щеку. Звонкая пощечина прозвучала в тишине ночного города, как взрыв.

Макс отшатнулся, его глаза сузились. В них на мгновение вспыхнул опасный огонек, но тут же погас. Он ожидал всего, но только не этого.

— Ты бесчувственная скотина! — выкрикнула Алиса, срываясь на слёзы ярости и унижения. — Ты просто животное!

Она спрыгнула с байка, едва не потеряв равновесие, и бросилась прочь, к такси, которое ждало её внизу. Макс остался стоять, чувствуя, как щека горит от удара. Он провел пальцами по покрасневшей коже и усмехнулся. Впервые за долгое время кто-то посмел бросить ему вызов. И, как ни странно, это вызвало в нем не привычный гнев, а странное, зудящее чувство внизу живота. Охотничий азарт.

Макс вернулся к своим, тяжело дыша. Его всё ещё потряхивало — не от пощечины, а от того, как в её глазах на секунду отразилось нечто большее, чем просто страх. Влад и Дэн уже ждали его у края площадки, лениво потягивая энергетики.

— Ну, Лебедь, где же наш трофей? — Дэн ухмыльнулся, оглядывая пустую площадку. — Неужели «скромница» сбежала, даже не попрощавшись?

Макс стянул перчатки, швырнув их на седло «Ducati». Его челюсти сжались. Он всё ещё чувствовал на щеке фантомное жжение от её ладони.

— Она просто не поняла правил игры, — процедил он, опускаясь на край байка.

Дэн хмыкнул, доставая телефон.

— Слушай, а девчонка — огонь. Настоящая леди. Раз она тебе не по зубам, скинь мне её номерок, а? Я мастер по таким «неприступным». Найду к ней подход, уговорю, цветы, рестораны

Макс резко выпрямился. Его взгляд стал таким холодным, что, казалось, даже ночной воздух вокруг стал плотнее. Внутри него вскипело раздражение, которое он сам не мог до конца объяснить. Эта девчонка была грубой, нелепой, она посмела ударить его при всех — и мысль о том, что Дэн будет «подкатывать» к ней со своими дешевыми комплиментами, вызвала в нем приступ глухой, почти животной ярости.

— Забудь, — отрезал Макс, чеканя каждое слово. — Ты не получишь её номер.

— Да ладно тебе, — Дэн рассмеялся, не замечая опасного блеска в глазах друга. — Ты просто злишься, что не удержал её. Признай, Макс, есть девчонки, которые не ведутся на твой «мачо-стиль» и мотоцикл.

— Нет ни одной девушки, Дэн, — Макс медленно поднялся, возвышаясь над другом, — которая бы не пала к моим ногам, если я сам этого захочу. Она просто не успела распробовать, что к чему.

Дэн скептически изогнул бровь и хлопнул по баку «Ducati».

— Громкие слова. Давай заключим пари. Даю тебе ровно месяц. Если через тридцать дней она не окажется в твоей постели — твой байк переходит мне. А если окажется — Дэн сделал паузу, довольно улыбаясь, — то я оплачу тебе лучший тюнинг, который ты найдешь в Москве.

Макс посмотрел на свой мотоцикл, а потом — на огни города, в которых растворилась Алиса. В его голове снова всплыл образ её зелёных глаз, полных искренней, неподдельной ненависти. Она была первой, кто дал ему отпор, и это задевало его сильнее, чем любая авария.

— Месяц, — коротко кинул он, пожимая протянутую руку Дэна. — И через месяц ты будешь кусать локти, что вообще затеял этот спор. Эта штучка она будет моей. Не потому, что я хочу выиграть, а потому, что она уже моя. Она просто ещё об этом не знает.

Макс не сказал, что в тот момент он почувствовал странный укол в груди — не от азарта, а от мысли, что кто-то другой мог бы коснуться её кожи. Это пугало. Но он привык подавлять страх скоростью.

«Месяц, Алиса, — подумал он, глядя в ночное небо. — У тебя есть месяц, чтобы возненавидеть меня до потери пульса, прежде чем ты поймешь, что я — единственное, что тебе нужно».

Он не подозревал, что в эту самую минуту Алиса, сидя в такси и вытирая слёзы, клялась себе никогда больше не видеть этого самовлюбленного хама. Судьба уже начала плести свою сеть, но пока никто из них не знал, что эта игра закончится совсем не так, как они планировали.

Алиса вернулась домой уже поздно. Такси проскользнуло по мокрому асфальту, и за стеклом мелькали отрезки ночного города — желтый свет фонарей, размытые силуэты прохожих, копошащиеся тени. В её груди всё ещё стучало — не просто сердце, а барабан, пробивавший ритм паники и непрощеной ярости. Каждая клетка требовала объяснения: как мог человек, выглядящий так уверенно и безжалостно, позволить себе говорить с ней так, как будто она — вещь?

Дверь квартиры закрылась за ней тихо, но ощущение закрытия было оглушительным. Она стояла в прихожей, сжимая в руках сумку, и внезапно почувствовала усталость, как будто кто-то вытянул из неё все силы и оставил одну щемящую пустоту. Руки дрожали; пальцы мерзли, несмотря на тепло батареи. Ноги казались ватными, и единственная мысль, возникавшая в голове — лечь и забыть этот кошмар.

Она прошла в ванную почти на автомате. Холодная плитка была резкой под босыми ногами. Включила кран, и шум воды стал первым звуком, который мог заглушить внутренний хаос. Под душем она стояла минут двадцать, позволяя струям смывать не только дорожную пыль, но и всё то, что осталось после встречи: запах бензина, прикосновение его руки, слова, — как грязь с одежды. Вода стекала по плечам, смывая макияж, и с каждым градусом теплее становилось больно в сердце. Она понимала: её волна чувств не просто от страха — в ней было ещё что-то чуждое и опасное, что лежало далеко за пределами ее привычного мира.

В зеркало над умывальником она смотрела на себя долго. В отражении была та же знакомая девушка: тонкие губы, бледные от пережитого, глаза — такие же зелёные, но на мгновение — с другой глубиной. Лоб слегка заledenел от воды, ресницы — слиплись каплями. На щеке оставался едва заметный румянец и в этом был весь позор случившегося. Её мысли, одна за другой, катились по трем дорожкам: «Почему я позволила? Почему я села? Что со мной не так?» Стыд перемешивался с злостью — на подруг, которые считали, что знают, что ей нужно; на себя — за то, что не смогла контролировать ситуацию; на этого высокого незнакомца — за грубость и надменность.

Она вспомнила, как вчерашнее утро было другим: кофе, поездка в метро, улыбка соседа по кабинету, тупая переписка по работе. Всё это казалось теперь нереально далеким, как кадры чужого фильма. В офисе она была человеком, которого все уважали за профессионализм, но тут, на смотровой площадке, кто-то стер это уважение одним простым жестом — и теперь ей пришлось заново собирать себя по кусочкам.

Она представила себе шлем, тяжёлый, целиком прикрывающий голову Макса, его короткую причёску, контрастную с её мягкими локонами. Ему было легко: он — в своей стихии, она — неуклюжая гостья в чужом мире. И это понимание резануло сильнее любой обиды. Впервые за долгое время она ощутила себя ребёнком, которому сказали: «Тебе сюда нельзя». Ей стало странно горько от мысли, что её привычный, аккуратно выстроенный мир оказался хрупкой лодкой, на которую вдруг налетел шторм.

Она набрала номер Риты. Голос подруги в трубке звучал легкомысленно и виновато одновременно. Рита бормотала извинения, обещая, что это был всего лишь такой розыгрыш, что никто не думал, что всё выйдет так. Она положила трубку и вдруг осознала: ей неудобно, нелегко быть той самой «скромницей», к которой кто-то может относиться как к игрушке.

Глава 2: Ночной кошмар и спаситель из тьмы

После той ночи Алиса старалась жить так, будто ничего не произошло. Утро начиналось с привычного ритуала: душ, кофе, безупречный макияж, строгий деловой костюм. Она заставляла себя сосредоточиться на работе, на цифрах, на графиках. Но Макс Лебедев, словно заноза, глубоко сидел под кожей. Его слова, его прикосновения, его наглая уверенность и та пощёчина, которая до сих пор фантомным жжением отдавалась на ладони, преследовали её. Она ненавидела его, но в этой ненависти примешивалось что-то странное, что-то, что заставляло сердце сжиматься от непривычных эмоций.

Через несколько дней, под давлением Риты и Леры, Алиса согласилась пойти в модный клуб «Эдем» на свидание вслепую. Подруги, все еще чувствуя вину за историю с байком, настаивали: «Тебе нужно отвлечься! Может, там будет тот самый, кто сотрёт этого Лебедева из твоей памяти!» Алиса не верила, но усталость от бесконечных внутренних монологов и желание хотя бы на вечер забыть о Максе заставили ее согласиться. Она надела облегающее темно-зеленое платье, которое подчеркивало её фигуру и изумрудный цвет глаз, сделала легкий макияж и попыталась настроиться на вечер, полный лёгкости и новых знакомств.

Её кавалер, Игорь, оказался типичным представителем «золотой молодежи» — скучный, самоуверенный, с пустым взглядом и навязчивыми шутками. Клуб гудел, музыка била по ушам, но Алиса чувствовала себя чужой на этом празднике жизни. Игорь заказывал ей коктейль за коктейлем, настаивая: «Тебе нужно расслабиться, Алиса! Ты слишком напряжена». Она пила медленно, чувствуя, как алкоголь постепенно притупляет остроту восприятия, но не может заглушить внутреннюю тревогу.

Макс тоже был в «Эдеме». Ему было скучно. После спора с Дэном он пытался забыть об Алисе, но её образ, её взгляд, её пощёчина всплывали в самые неподходящие моменты. Он гнал байк по Москве, работал до изнеможения, проводил время с очередными легкомысленными красотками, но пустота не исчезала. Дэн, Цыган и Влад оккупировали столик в ВИП-зоне, а Макс, прислонившись к барной стойке, вяло наблюдал за танцполом. Его внимание привлекло зеленое платье, мелькнувшее в толпе. Он напрягся. Алиса. Она была здесь. В ночном клубе, среди неоновых светов и дыма, она выглядела непривычно яркой, почти вызывающей, и это почему-то задело Макса до глубины души. Он наблюдал за ней издали, считывая каждый жест. Сначала он был настроен скептически: «Ну, вот и её "скромность"», — подумал он, вспоминая их первую встречу. Но что-то в её поведении, в её чуть расфокусированном взгляде, не давало покоя. Она смеялась слишком громко, движения были не совсем координированы. Ее кавалер, блондин с мерзкой ухмылкой, что-то подсыпал в её коктейль, пока она отвернулась, и Макс, с его тяжелым прошлым и обостренным чутьем к опасности, понял всё моментально.

Его кровь вскипела. Внутри проснулся старый, забытый зверь, тот, что рвал за свою жизнь в детстве на грязных улицах. Он не думал о споре, не думал о своем циничном девизе. Он думал только о том, что эту девушку, которая дала ему пощёчину за попытку фамильярности, сейчас кто-то хочет *использовать*.

Игорь, омерзительно улыбаясь, схватил Алису за руку и потянул к выходу. Она слабо сопротивлялась, её тело было ватным, взгляд — мутным.

— Отпусти её, — голос Макса прозвучал низко и угрожающе, как рычание. Он вырос за спиной Игоря, словно призрак.

Игорь обернулся, его лицо исказилось от злости.

— Не твоё дело! Проваливай!

Макс даже не ответил. Кулак с глухим звуком врезался в челюсть Игоря. Тот отлетел в сторону, врезавшись в барную стойку, и сполз на пол. Толпа ахнула. Макс схватил Игоря за

воротник, поднял его и нанес еще один удар, затем еще, вкладывая в каждый удар всю свою ярость и омерзение.

— Ты! Тварь! — рычал Макс, и в его глазах полыхал огонь. — Ты хоть знаешь, что ты сделал?!

Охрана подбежала, пытаясь разнять драку, но Макс был неуправляем. Он отшвырнул Игоря в сторону, схватил обмякшую Алису на руки. Её голова беспомощно откинулась, губы шептали что-то неразборчивое. Она была легкой, почти невесомой. Ее запах — легкий цветочный аромат, смешанный теперь с терпким запахом алкоголя и чего-то еще, — ударил ему в голову.

— Дэн! Машину! Быстро! — крикнул Макс, направляясь к выходу. — Мой байк бери себе, потом заберешь.

Дэн, Влад и Цыган, видевшие эту драму, без лишних слов поняли серьезность ситуации. Дэн кинул ключи от своего черного BMW, и Макс, прижимая Алису к себе, выскочил из клуба.

Поездка была мучительной. Алиса всхлипывала, стонала, дрожала, её тело билось в какой-то лихорадке. Макс гнал по ночной Москве, его мозг работал на пределе. Он не знал, где она живет. В её состоянии везти её домой было бы опасно. Нужно было место, где она будет в безопасности, где он сможет проконтролировать, что с ней происходит. Единственный вариант — его квартира.

Он внёс её в свою роскошную квартиру на Кутузовском. Её тело было горячим, но не от температуры, а от внутренней дрожи. Макс положил её на свою огромную кровать, осторожно снял туфли, затем, не касаясь, расстегнул молнию на платье, чтобы ей было легче дышать. Ее шикарная фигура, которая была скрыта пальто при их первой встрече, теперь была открыта его взгляду. Тонкие руки, изящные изгибы, высокая грудь, живот Макс сглотнул, чувствуя, как его собственное тело отзывается на её близость, но тут же одернул себя. *Не сейчас. Не так. Не с ней.*

Он хотел уйти в гостевую спальню, оставив её одну, дать ей прийти в себя. Он уже почти вышел из комнаты, когда услышал. Сначала тихий всхлип, потом глухой стон, затем снова всхлип, переходящий в жалобный, отчаянный плач. Он вернулся.

Алиса металась по кровати. Её глаза были полузакрыты, губы шептали что-то неразборчивое, тело выгибалось в странных спазмах.

— Больно — прошептала она, и в её голосе была невыносимая мука. — Мне больно

Макс присел на край кровати. Он видел её такой впервые: абсолютно беззащитной, сломленной, и в её движениях читалась не просто боль, а жгучее, навязчивое желание, вызванное наркотиком. Его взгляд упал на ее бедра, на то, как она, непроизвольно, трясась ими о простыню. Это было не желание, это было *страдание*. Наркотик разжигал в ней огонь, но она была не в состоянии его погасить.

В Максе боролись два демона. Один шептал: «Она твоя. Бери. Это и есть та самая плата за байк, которую ты обещал Дэну. Она сейчас не сопротивляется». Другой, новый, знакомый, сжимал его сердце, крича: «Она в беде! Ты должен помочь ей! Защити!»

Он закрыл глаза, чувствуя, как его собственное тело наливается тяжестью.

Он хотел её с первой секунды, как увидел, а сейчас, видя её такой, он боролся с собой так, как не боролся никогда в жизни. Это было его испытание. И он знал, что может не выдержать. Но он не мог позволить ей страдать.

«Мне больно» — снова прошептала она, и её рука потянулась к нему, словно в поисках спасения.

Макс принял решение. Сцепив зубы, он отбросил мысли о споре, о своей выгоде, о своём мужском эго. Его рука легла на её бедро, нежно поглаживая, пытаясь успокоить. Он сделал то, что, как он думал, ему никогда не придется делать: он начал успокаивать её, помогая её телу избавиться от этого мучительного, навязанного желания. Его прикосновения были уве-

ренными, но нежными, направленными на то, чтобы снять её физическое напряжение, а не получить собственное удовольствие. Это было самое трудное испытание в его жизни, борьба с самим собой, с его первобытными инстинктами. Он видел её глаза, полные слез, но теперь в них читалось нечто вроде облегчения.

Когда её стоны стихли, сменившись ровным, глубоким дыханием, Макс отстранился. Его тело дрожало от внутреннего напряжения. Он натянул на неё свою чистую, широкую футболку, которая едва ли прикрывала её бёдра, затем накрыл её одеялом. Ему потребовалось колоссальное усилие, чтобы просто выйти из комнаты и закрыть за собой дверь. Эта ночь сломала все его правила.

Он просидел на диване в гостиной до самого утра, глядя в окно на рассветающую Москву. В его голове не было ни злости на Игоря (тот уже получил свое), ни торжества от «победы» над Алисой. Было только странное, новое ощущение — ответственности и... чего-то еще, что он пока не мог назвать.

Глава 3: Пробуждение в чужом мире

Свет медленно пробивался сквозь плотные шторы, оставляя на стене лишь узкую полосу золотого сияния. Алиса застонала, пытаясь пошевелиться, и почувствовала, как голова раскалывается от боли. В горле першило, во рту был неприятный привкус. Она открыла глаза, и первое, что увидела, был незнакомый, удивительно высокий потолок с лепниной. Ее сознание, словно туман, медленно начало рассеиваться.

Где она? Это не её квартира.

Резким движением она села, и мир вокруг нее качнулся. Сердце ухнуло в пятки. Она сидела на огромной кровати, застеленной темным шелковым бельём, которое пахло чужим мужчиной. И на ней была широкая, черная мужская футболка. Ей показалось, что она узнала запах – запах бензина и его одеколона. *Макс Лебедев.*

Паника схватила её за горло, обжигая легкие. Она лихорадочно осмотрелась. Вокруг – незнакомая, до ужаса роскошная комната. Сквозь полумрак виднелись дорогие картины, массивная мебель, панорамные окна. На стуле небрежно висели ее платье и нижнее белье. Голова закружилась от ужаса. Что произошло?

В этот момент дверь открылась. На пороге стоял Макс. Без футболки. Его татуированное тело, мощные плечи, туго обтянутые мышцами руки – всё это кричало об опасности. Он выглядел усталым, на его лице застыло напряжение, но в глазах читалась странная смесь тревоги и вины?

— Проснулась? — его голос был хриплым, как после долгой дороги.

Алиса в ужасе отшатнулась, прижимая руки к груди. Футболка Макса едва прикрывала её бедра, и она почувствовала себя невероятно уязвимой, почти голой. В ее голове вспыхнули обрывки воспоминаний: клуб, шум, Игорь, странная эйфория, а потом темнота и боль. Физическая боль, которую она смутно ощущала, но не могла понять, что это.

— Что что было? — прошептала она, её голос был едва слышен. — Мы мы

Макс подошел к кровати, медленно, словно не хотел её спугнуть. Его взгляд задержался на её лице, на побледневших губах, на широко распахнутых зеленых глазах, полных страха.

— Спрашивай конкретнее, Алиса, — его голос был сухим, лишенным эмоций. — Ты хочешь знать, трахались мы или нет?

Её щеки вспыхнули. Унижение захлестнуло ее новой волной. Как он мог так говорить?!

— Нет, — ответил он сам, предвосхищая ее вопрос. — Не трахались.

Но Алиса уже не слушала. В ее мозгу, словно разбитое стекло, начали собираться осколки. Вспышки. Темнота. Ощущение горячего тела рядом. Его руки. Боль, которая превратилась в что-то ещё, в какой-то извращенный, наркотический позыв, от которого она стонала. Она вспомнила, как его пальцы касались её, как её тело само выгибалось навстречу, как она чувствовала облегчение. Или ей показалось?

Резкая тошнота подступила к горлу. Её начало трясти.

— Где туалет? — выдохнула она, отталкивая Макса.

Он указал на дверь, и она, спотыкаясь, бросилась туда. Её вырвало – долго, мучительно, до спазмов в животе. Тело выворачивало наизнанку, словно избавляясь от яда. Когда она, бледная и опустошенная, вернулась в комнату, Макс уже стоял, прислонившись к стене, одетый в джинсы и свежую футболку. Его глаза были всё такими же темными и непроницаемыми.

— Ты бесчеловечный! — Алиса дрожала от злости, её голос был хриплым. — Как ты мог так со мной поступить?! Ты воспользовался мной!

Макс резко выпрямился. Его лицо стало жестким. — Ты была накачана наркотой, Алиса. Твой кавалер из клуба подсыпал тебе что-то в коктейль. Он хотел тебя трахнуть. А я, если ты заметила, тебя спас, чтобы этого не произошло.

Её глаза расширились. Наркотик? Игорь? Она смутно вспомнила его липкую улыбку, его настойчивые предложения выпить ещё.

— Я не знал, где ты живешь. Я не мог оставить тебя в клубе или на улице в таком состоянии. Я привез тебя сюда, потому что это было единственное безопасное место.

Он сделал шаг к ней.

— Тебе было больно, Алиса. Не просто плохо, а физически больно из-за наркотика. Ты металась, стонала, тебе нужна была помощь. И у меня не было другого выбора, кроме как помочь тебе снять эту боль.

Макс замолчал, его взгляд скользнул по ней.

— Я не воспользовался тобой. Я спас тебя от насильника и помог пережить ад, в который тебя загнали. Я не касался тебя в привычном смысле. Я лишь помог твоему телу. Поверь мне, это было самое трудное, что я делал в жизни, удерживая себя.

Его слова, сказанные без привычной наглости, но с глухой, почти отчаянной честностью, пронзили её. Алиса пыталась собрать разрозненные кусочки воспоминаний, совместить их с его словами. Боль. Невыносимая. И его руки Его прикосновения, которые сначала казались насилием, но потом принесли облегчение? Неужели он действительно помог ей, не

стыд и замешательство захлестнули её. Она опустила голову, не в силах смотреть ему в глаза. Ей было сложно поверить. Всю свою жизнь она старалась избегать таких ситуаций, а сейчас

Макс тяжело вздохнул.

— Я приготовил кофе и легкий завтрак. Тебе нужно поесть.

Он протянул ей теплую футболку и спортивные штаны.

— Переоденься. Твоя одежда испорчена, я случайно сломал молнию

Он не договорил, но Алиса поняла. Она кивнула, взяла одежду. В ней не было сил спорить, сопротивляться. Тело было слабым, а голова всё ещё отказывалась нормально работать.

Спустя час, после того как она выпила кофе и едва притронулась к тосту, Макс отвез ее домой, предварительно узнав адрес. Поездка была молчаливой. Он не гнал, ехал спокойно, соблюдая все правила, его взгляд был сосредоточен на дороге. В его салоне пахло свежей кожей и чем-то очень чистым, совсем не так, как пах его байк. Алиса смотрела в окно, пытаясь осознать все, что с ней произошло. Ее мир, такой упорядоченный и безопасный, рассыпался в прах за одну ночь, и именно этот татуированный, наглый байкер, которого она так ненавидела, оказался её спасителем. И это было самым страшным.

Когда машина остановилась у её подъезда, Макс лишь коротко кивнул.

— Отдыхай, Алиса.

Она вышла из машины, не оглянувшись, и быстро скрылась в подъезде. Макс сидел, докуривая сигарету. Внутри него была странная пустота, смешанная с незнакомым ощущением. Споры, девушки, адреналин – всё это внезапно показалось ему мелким и неважным. Он посмотрел на свою руку, ту, что лежала на её бедре в ту ночь, и сжал кулак. *«Эта штука будет моей»*,— сказал он Дэну. Но теперь это желание приобрело совсем другой оттенок.

Глава 4: Тени прошлого и нежеланное притяжение

Алиса закрыла за собой дверь квартиры, но не почувствовала ни облегчения, ни привычного покоя. Она чувствовала себя так, словно только что вернулась не просто из ночного клуба, а из другого, чужого мира, где действовали свои, жестокие законы. Её тело ныло от усталости и остатков химического дурмана, голова раскалывалась от пульсирующей боли, но самым тяжёлым было ощущение глубокого, разъедающего стыда. Она прошла на кухню, налила стакан воды дрожащими руками, но даже холодная влага не могла унять тошноту, подкатывающую к горлу.

Обрывки воспоминаний, словно разбитое стекло, кружились в её голове. Клуб, шум, липкие прикосновения Игоря, его приторная улыбка, сладко-горький вкус коктейля, от которого кружилась голова А потом — темнота. И Макс. Его ярость, его удары, а затем его руки на её теле.

«Я не воспользовался тобой. Я спас тебя от насильника и помог пережить ад» — его слова эхом отдавались в сознании. Она отчаянно цеплялась за эту версию, потому что альтернатива была невыносима, чудовищна. Но часть её, та рациональная и недоверчивая Алиса, которую она знала всю жизнь, шептала: «Как ты можешь ему верить? Он же сам» Она вспомнила его девиз, его властное прикосновение на байке, и горячая волна унижения, смешанного со страхом, снова захлестнула её. Разве это не было насилием, хоть и другого рода? Прикосновения, которые сначала казались принуждением, а потом облегчением. Эта тонкая грань, которую она не могла поймать, сводила её с ума.

Она рухнула на диван, пытаясь привести мысли в порядок. Ей было отвратительно от осознания, что её тело, даже под воздействием наркотика, отзывалось на чужие прикосновения, искало спасения в чужих руках. Эта слабость, эта потеря контроля была для неё хуже любого физического вреда. Она всегда была сильной, независимой, а тут она оказалась полностью беззащитной, игрушкой в чужих руках. И спасителем оказался тот, кого она меньше всего ожидала и больше всего презирала. Это было абсурдно, невыносимо.

Дни после того случая слились в один сплошной туман. Алиса взяла несколько отгулов, ссылаясь на плохое самочувствие. Она игнорировала звонки Риты и Леры, не отвечая на их сообщения, не в силах общаться с ними после их «сюрприза». Ей было больно, что подруги, желая ей добра, так жестоко подставили её, вытолкнув в мир, к которому она была совершенно не готова. Доверие было подорвано. Она чувствовала себя грязной, опустошенной, и каждый звонок, каждое сообщение только усиливали её отторжение от внешнего мира. Она заперлась в своей квартире, пытаясь исцелить не только тело, но и душу, которая ныла от внутренних противоречий. Она то клялась себе, что Макс — отвратительный подонок, то вспоминала его глаза, когда он говорил о своём детстве, и её сердце сжималось от жалости и странного, нового чувства, которое пугало её до дрожи.

Макс тоже не находил себе места. Он привык к лёгким победам, к тому, что девушки сами падали к его ногам. Но Алиса была другой. Её ярость, её пощёчина, а потом её беспомощность в его руках, её страдания — всё это перевернуло его мир, словно кто-то выдернул ковер из-под его ног. Он постоянно ловил себя на мысли, что вспоминает её лицо, её зелёные глаза, её тонкие запястья. Её слабые стоны от боли, его собственные руки, помогающие ей. Он чувствовал себя выжатым лимоном, но это было совсем не то опустошение, которое он испытывал после очередной бесполезной ночи с очередной красоткой. Это было болезненное, но глубокое ощущение, которое требовало ответов.

«Месяц, — усмехнулся Дэн, когда они снова собрались в баре. — Уже три дня прошло. Ты что, испугался этой скромницы?»

Макс лишь отмахнулся, но внутри его жгло. Спорить на байк – это было так по-детски, так глупо, так мелко. Сейчас, после того, как он видел её такой уязвимой, мысль о том, чтобы «переспать с ней» ради выигрыша, вызвала в нём отвращение, почти физическую тошноту. Это было не в его правилах. Её правила оказались выше его. Но и признать это перед Дэном, своим главным оппонентом в жизни, он не мог. Он не привык отступать. Он должен был разобраться, что с ним происходит. И это «что-то» было связано только с Алисой.

На следующий день Макс впервые за долгое время не поехал на байке. Он сел в свой бронированный чёрный «Mercedes», и водитель отвёз его в офис. Его фирма занималась крупными проектами, и он знал, что такие менеджеры, как Алиса, редко попадали в его поле зрения. Но он был Лебедев. Он мог получить любую информацию, какую захочет. Он отдал распоряжение помощнику, и к середине дня на его столе лежало досье на Алису Василевскую: её адрес, место работы, даже любимая кофейня. Он посмотрел на её фотографию в досье – та же скромная, но удивительно красивая девушка с зелёными глазами. И он знал, что должен её найти. Не ради спора. Ради себя.

Алиса, наконец, вернулась на работу. Её отгулы закончились, и прятаться было негде. Она чувствовала себя марионеткой, которую дёргают за ниточки. Каждый взгляд коллег казался ей изучающим, каждая шутка – намёком. Она пыталась сосредоточиться, но мысли постоянно возвращались к Максy. К его рукам. К его словам. К тому, как его взгляд пронизывал её насквозь.

Когда ей сообщили, что ею интересуется лично Генеральный директор «Лебедь-Строй» для обсуждения крупного контракта, Алиса почувствовала, как её сердце пропустило удар. Холодная волна пробежала по спине.

«Лебедев?» — выдохнула она, и её голос был едва слышен.

«Да, Лебедев Максим Алексеевич, — подтвердила секретарь, даже не заметив её реакции. — Он хочет обсудить новый контракт лично с вами».

Её бросило в жар, потом в холод. «Зачем? Что ему нужно? Это игра? Мсть?» Сотни мыслей пронеслись в голове. Она попыталась найти в себе силы, чтобы отказаться от встречи, но контракт был слишком важен для её компании. Она должна была пойти. Должна была столкнуться с ним лицом к лицу.

Она собрала всю свою волю в кулак, поправила блузку и вошла в переговорную. Макс сидел во главе стола, спокойный, властный, словно ничего не произошло. На нём был дорогой, идеально сидящий костюм, скрывающий татуировки, но Алиса знала, что они там. Его темные глаза встретились с её зелеными, и Алиса почувствовала, как по ней пробежал электрический разряд. Это было не простое узнавание – это было узнавание хищником своей добычи, но в его взгляде читалось нечто большее, чем просто охотничий азарт. Что-то... новое. Что-то уязвимое.

— Алиса Василевская, — сказал он, кивнув, и его голос был ровным, деловым, без тени той наглости, которую она слышала в клубе или на байке. Это сбивало с толку. — Присаживайтесь. Алиса опустилась на стул, стараясь сохранять невозмутимое выражение лица, хотя внутри у неё всё дрожало. Он начал деловую беседу, и Алиса попыталась сосредоточиться на сути. Она рассказывала о новых моделях оборудования, о сроках поставки, о скидках. Её голос дрожал сначала, но потом, по мере того как она погружалась в работу, к ней возвращалась уверенность. Она была профессионалом, и это было её щитом.

Макс слушал внимательно, задавал острые вопросы, вникал в детали. Она видела, что он не играет, он действительно оценивает ситуацию. И он смотрел на неё иначе. Не как на лёгкую добычу, не как на временное развлечение. А как на равного. Или почти равного.

После часа напряженной работы, когда все вопросы были улажены, и Алиса уже собиралась уходить, Макс поднялся. Его тело, скрытое под костюмом, казалось мощным и опасным.

— Алиса, — его голос снова стал другим. Мягче. В нём проскользнула интонация, которая заставила её сердце сжаться. — Я хотел бы извиниться за ту ночь. За мои слова на байке. За то, как всё получилось. Я не должен был так себя вести. Я был мудаком.

Алиса замерла. Она ожидала всего – наглости, угрозы, очередного предложения. Но не извинений. Не этого слова. Её сердце снова забилось быстрее, отдаваясь глухим стуком в ушах.

— Не стоит, — прошептала она, избегая его взгляда. — Всё в прошлом.

— Нет, стоит, — Макс подошел ближе. Его широкие плечи заслоняли свет из окна. — Я был не прав. И я я не такой, каким ты меня знаешь. Или каким хочу казаться.

Он сделал глубокий вдох, словно собираясь с силами. В его глазах, которые ещё недавно были холодными и непроницаемыми, она увидела боль, уязвимость, почти мольбу. И это пугало её ещё больше, чем его наглость. Это было начало чего-то нового, опасного.

— Знаешь, Алиса, — его голос стал тише, почти интимным. — Моё детство оно было не из лёгких. Бараки, голод, постоянная борьба за выживание. Я рано понял: чтобы тебя не сломали, ты должен быть сильнее всех. Никому не доверять. Никогда не показывать слабость. Я построил вокруг себя стену, а женщин женщин я использовал как способ забыться. Думал, что так легче. Я был уверен, что это моя защита.

Он замолчал, глядя на свои руки, покрытые татуировками, словно на карты прошлого.

— Но ты ты пробила эту стену. Ты показала мне, что это не защита, а тюрьма. Что я был не сильным, а одиноким. И я не знаю, что с этим делать. Я сам не знаю, что это значит. Знаю только одно: ты меня зацепила. Как никто другой. И я не отступлю, пока не пойму, что это. И пока ты пока ты не дашь мне шанс доказать, что я другой.

Его слова, произнесённые с такой откровенностью, с такой, почти болезненной искренностью, заставили её сердце дрогнуть. Она хотела бежать, кричать, но её ноги словно приросли к полу. Это была игра, которую она не заказывала. Игра, где ставки были слишком высоки. Её разум отчаянно сопротивлялся, но душа, израненная и одинокая, начинала откликаться на этот зов.

— Что вам нужно, Максим Алексеевич? — спросила она, пытаясь вернуть хоть каплю контроля над собой, над ситуацией, над дрожащим голосом. — Спор? Месть?

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было едкости. В ней была лишь горькая ирония.

— Мне нужно понять. Понять, кто я без этой стены. Понять, что это за чувство, которое ты во мне пробудила. И, может быть, дать себе шанс на что-то

настоящее. Ты — мое первое настоящее. И я не отступлю, пока не заслужу твоего прощения.

Его слова, произнесенные с такой откровенностью, заставили её сердце дрогнуть. Она хотела бежать, кричать, но её ноги словно приросли к полу. Это была игра, которую она не заказывала. Игра, где ставки были слишком высоки. Её разум отчаянно сопротивлялся, но душа, израненная и одинокая, начинала откликаться на этот зов.

Глава 5: Сквозь трещины недоверия

Слова Макса, сказанные в переговорной, звенели в ушах Алисы ещё долго после того, как он вышел. Его исповедь о трудном детстве, о стене, которую он воздвиг вокруг себя, о его внезапной уязвимости, — всё это перевернуло её представление о нём. Она ожидала наглости, цинизма, очередной попытки манипуляции. Вместо этого она получила откровенность, граничащую с отчаянием. Это сбивало её с толку, заставляло её тщательно выстроенный мир пошатнуться.

Вернувшись на своё рабочее место, Алиса чувствовала себя так, словно пережила землетрясение. Она сидела за столом, пытаясь сосредоточиться на документах, но перед глазами стояли его тёмные, полные боли глаза. «Я был мудаком я сам не знаю, что это значит ты меня зацепила». Её разум, привыкший к чёткой логике, кричал: «Это ложь! Игра! Не верь ему!» Но что-то глубоко внутри, что-то, что она давно похоронила под слоем равнодушия, отзывалось на его слова. Это было притяжение, мощное и пугающее. Оно словно просачивалось сквозь каждую трещину её недоверия, заставляя её сердце биться чаще при одной мысли о нём.

Вечером, когда она вышла из офиса, к её удивлению, её ждала машина Макса. Он стоял, прислонившись к чёрному «Mercedes», в casual одежде, но его вид по-прежнему источал опасную мощь. Его взгляд уловил её в толпе, и на его губах появилась едва заметная, но искренняя улыбка. Сердце Алисы подпрыгнуло к горлу.

— Привет, Алиса, — сказал он, его голос был низким и обволакивающим. — Куда тебя подвезти?

Ей хотелось сказать «нет», вызвать такси, исчезнуть. Но ноги, словно зачарованные, сами повели её к машине. Она замерла у открытой двери.

— Не стоит, Максим Алексеевич. Я сама.

— Макс. Просто Макс. И стоит, — он нежно, но настойчиво взял её за руку, помогая сесть в машину. Его прикосновение обожгло. — Я не собираюсь тебя соблазнять, если ты об этом беспокоишься. Просто хочу поговорить.

Поездка была наполнена неловкой тишиной. Макс не гнал, ехал спокойно, его взгляд был сосредоточен на дороге, но Алиса чувствовала, что его внимание полностью приковано к ней. Он отвёз её в тихий ресторанчик на набережной, где их усадили за столик с видом на ночную Москву. Это место было непохоже на его привычный мир шумных баров и громкой музыки. Здесь всё располагало к откровенности.

Они говорили. Часами. Макс рассказывал ей о своём пути к успеху, о тех жертвах, которые ему пришлось принести, о том, как он учился быть жёстким, чтобы выжить. Он не оправдывался, не жаловался, просто делился своей историей. Алиса слушала, затаив дыхание. Она видела в нём не просто магната, а человека, который вырвался из нищеты, который строил свой мир из обломков, который научился верить только в себя. И в этой жестокой правде было столько боли, что Алиса, сама того не замечая, начала видеть его не как врага, а как израненного воина.

— А ты, Алиса? — спросил он, когда она, наконец, отпила глоток воды. — Расскажи о себе. Почему ты такая? Такая закрытая, такая настоящая.

Его вопрос застал её врасплох. Она никогда не говорила о себе так открыто. Но в его глазах, где больше не было цинизма, а лишь неподдельный интерес, Алиса почувствовала, что может. Она осторожно, сбивчиво, рассказала о своей мечте стать художником, о том, как родители настаивали на «серьёзной» профессии, о своей одинокой жизни, где работа была единственной опорой. Она говорила о своей робости, о страхе быть непонятой, о том, как трудно ей доверять людям.

Макс слушал, не перебивая, его взгляд был прикован к её губам, к её глазам. Когда она закончила, в его глазах вспыхнул огонёк, который она не могла понять.

— Ты не такая, какой кажешься, Алиса. Ты глубокая. И это меня пугает. И притягивает.

Она вспыхнула. Его слова вызвали в ней смятение. Она хотела верить ему, хотела отчаянно цепляться за эту зарождающуюся близость. Но в её голове снова и снова всплывал проклятый спор. Она чувствовала, что находится на тонкой грани, и одно неверное движение может привести к катастрофе.

На следующий день Дэн снова появился в кабинете Макса. Его лицо было раздражённым.

— Макс, что происходит?! Ты уже неделю не вспоминаешь о байке! Ты забыл про пари? Про свои правила?

Макс поднял на него холодный взгляд.

— Спор отменяется.

Дэн поперхнулся.

— Что?! Ты сливаешься?! Из-за этой скромницы?! Ты что, влюбился, Лебедь? Это на тебя не похоже!

— Это не твоё дело, Дэн. И да, я влюбился, если тебе так угодно. И она мне дороже любого байка, любого пари.

В глазах Дэна вспыхнул огонь. Это была не просто ярость — это было глубокое, разъедающее чувство поражения и оскорблённого эго. Макс всегда был его кумиром, его соперником, его отражением. И теперь этот кумир, этот зверь, который всегда выбирал власть, выбрал женщину. И это было неприемлемо. Дэн лишь усмехнулся, но в его глазах читалось недоброе предвкусие. Он не собирался сдаваться так просто. Он знал, что у Макса есть слабое место, и он обязательно воспользуется им.

Дни тянулись, наполненные новыми встречами, новыми разговорами, новым уровнем близости. Макс приглашал Алису на выставки современного искусства, в музеи, в тихие парки. Он показывал ей другую Москву — не ту, где ревут моторы и сверкают неоновые вывески, а ту, где можно было замедлиться, подумать, почувствовать. Он был внимателен к каждой её мелочи: запоминал, какое кофе она любит, какие цветы предпочитает, какие книги читает. Он дарил ей не дорогие подарки, а впечатления, разговоры, своё время. И это было для неё ценнее всего.

Она виталась в своих эмоциях: то отталкивала его, вспоминая о его прошлом и его цинизме, то притягивалась к нему с такой силой, что её сердце замирало. В его присутствии она чувствовала себя защищённой, увиденной, понятой. Он пробудил в ней то, что она так долго прятала: страсть, жажду жизни, желание быть любимой.

Однажды вечером, после долгой прогулки по осеннему парку, они сидели в его машине у её дома. В салоне было тихо, лишь мягкий свет уличного фонаря проникал сквозь стекло. Алиса чувствовала, как её сердце колотится, предвкушая прощание. Макс смотрел на неё, и в его глазах читалось такое желание, такая нежность, что она чувствовала, как её тело отзывается на это.

Он осторожно взял её руку, переплетая их пальцы. Его кожа была горячей, грубой, но его прикосновение было невероятно нежным.

— Алиса, — его голос был низким, почти молящим. — Я хочу я хочу, чтобы ты знала. Всё, что я тебе говорю, всё, что я чувствую — это правда. Никаких игр. Никаких споров. Просто ты. И я.

Его большой палец нежно поглаживал её ладонь, посылая волны тепла по всему телу. Алиса подняла на него глаза. В его тёмных зрачках она увидела не просто желание, а что-то глубокое, что-то, что выходило за рамки обычного физического влечения. Это было доверие. И она знала, что должна рискнуть.

Она подалась навстречу. Её губы ответили на его прикосновение. Поцелуй углубился, став требовательным, страстным. Его руки скользнули на её талию, притягивая её ближе, пока между ними не осталось ни миллиметра. Она почувствовала его твёрдое тело, его мощь, и в ней проснулось ответное, бушующее пламя. Ей хотелось большего. Хотелось его всего.

Макс оторвался от её губ, его дыхание было прерывистым.

— Поедем ко мне, — прошептал он, его голос дрожал.

Алиса кивнула, не в силах сказать ни слова. Её сердце бешено колотилось, предвкушая то, что должно было случиться. Стыд, страх, сомнения — всё это отступило на второй план перед лицом всепоглощающего желания. Она доверяла ему. Сейчас. В этот момент. Она хотела этого.

Он взял её за руку, переплетая их пальцы. Вся её жизнь, вся её прежняя Алиса, осталась за той невидимой гранью скромницы. Теперь она шла навстречу чему-то новому, опасному, но невероятно притягательному. Она не знала, чем закончится эта игра, но была готова рискнуть.

Глава 6: Танец на грани

Дни потекли странным, новым руслом. Встречи с Максом стали почти ежедневными. Он не навязывался, не устраивал пышных ухаживаний, но его присутствие в её жизни становилось всё более ощутимым и неизбежным. Он звонил, предлагая заехать за ней после работы, подвезти до дома или просто выпить кофе. Иногда они обедали вместе в неприметных, но удивительно уютных ресторанчиках, где Макс, к удивлению Алисы, оказывался завсегдатаем, а его появление встречали радушными улыбками.

Алиса изо всех сил пыталась держать дистанцию, оградиться от него стеной из вежливости и деловых фраз. Она напоминала себе о его прошлом, о его циничном девизе, о споре с Дэном, о котором она не знала, но предчувствовала что-то неладное. Ей было страшно, но её рациональный мозг, который всегда контролировал её жизнь, начал давать сбои. Каждая его улыбка, каждый глубокий взгляд его тёмных глаз, каждое случайное прикосновение его татуированной руки словно пробивали брешь в этой стене.

Однажды вечером Макс забрал её прямо из офиса.

— Поехали, — сказал он, его голос был глубже обычного. — Мне нужно проветриться.

Он посадил её в свою машину. На этот раз он не гнал. Они ехали по ночным улицам Москвы, молча, но эта тишина не была напряжённой. Она была наполнена чем-то невесомым, почти интимным. Он повёз её не на смотровую, а к своей новой строительной площадке — огромному котловану, где уже поднимались первые этажи будущего жилого комплекса.

— Вот здесь, — сказал он, выключив двигатель, — будет новый мир. Здесь будет жизнь.

В его голосе звучала неподдельная гордость. Он рассказывал ей о планах, о трудностях, о том, как он представляет себе каждый дом. Он говорил с такой страстью, что Алиса, глядя на его горящие глаза, видела перед собой не бесчувственного магната, а человека, одержимого своей мечтой. Она чувствовала его энергию, его силу, его желание создавать.

— Знаешь, Алиса, — Макс повернулся к ней, его взгляд задержался на её лице. — Я начинал с нуля. Буквально. Был момент, когда мне нечего было есть, я спал в недостроенных подвалах. И тогда я поклялся себе, что никогда больше не буду слабым. Никто не сломает меня. Ничто не сломает меня.

Его слова были сказаны с такой надрывной искренностью, что Алиса почувствовала, как по её щекам катятся непрошеные слёзы. В его голосе была боль, которую он прятал глубоко внутри, и теперь, впервые, он делился ею с ней. Она видела в нём не просто мужчину, а израненную душу, которая боролась за выживание.

Она протянула руку и осторожно коснулась его щеки. Его кожа была горячей. Макс вздрогнул от неожиданности, но не отстранился. Его глаза закрылись на мгновение, словно он наслаждался этим простым, нежным прикосновением.

— Ты не слабый, Макс, — прошептала она. — Ты один из самых сильных людей, кого я знаю.

В тот вечер они говорили до глубокой ночи. Он раскрывал ей свои страхи, свои мечты, своё циничное видение мира, которое оказалось лишь защитной маской. А Алиса, слушая его, понимала, что начинает видеть его совсем другим. Не просто "Лебедева", а Макса. И этот Макс был удивительно сложным, притягательным и невероятно одиноким.

Физическое притяжение между ними нарастало с каждым днем, становясь почти невыносимым. Каждое их прощание у дверей её квартиры заканчивалось долгим, напряженным молчанием, где невысказанные желания висели в воздухе. Алиса чувствовала на себе его взгляд, ощущала его тепло, и её тело непроизвольно отзывалось на это.

Однажды, после ужина в ресторане, Макс снова довёз её до дома. Он вышел из машины и проводил её до двери. Под светом фонаря его глаза блестели особенно ярко.

— Алиса — его голос был низким, почти молящим. Он не двинулся с места, но между ними, казалось, витало электричество.

Она подняла на него взгляд, её сердце колотилось, как пойманная птица. Она знала, что он собирается сказать. Знала, что она должна сказать «нет». Но её тело, её душа кричали «да».

Он сделал шаг. Один. Потом второй. Остановился так близко, что она почувствовала запах его кожи, его дыхание. Он осторожно поднял руку, его татуированные пальцы легко коснулись её щеки. Нежно, почти невесомо, словно он боялся разрушить это хрупкое равновесие.

— Я хочу тебя, Алиса, — прошептал он, и в его голосе не было привычной наглости, только чистое, откровенное желание. — Я схожу с ума от тебя.

Его большой палец нежно поглаживал её скулу. Её глаза закрылись. Она чувствовала, как весь её мир сужается до этого прикосновения, до этого голоса. Она не могла дышать.

Макс медленно склонился. Его губы, мягкие и горячие, едва коснулись её губ. Это был не поцелуй страсти, а поцелуй ожидания, полный нежности и невысказанных надежд. Он ждал. Ждал её ответа.

Алиса приоткрыла глаза. В его тёмных зрачках она увидела не просто желание, а что-то глубокое, что-то, что выходило за рамки обычного физического влечения. В этот момент она знала: это не игра. Это настоящее.

Она подалась навстречу. Её губы ответили на его прикосновение. Поцелуй углубился, став требовательным, страстным. Его руки скользнули на её талию, притягивая её ближе, пока между ними не осталось ни миллиметра. Она почувствовала его твёрдое тело, его мощь, и в ней проснулось ответное, бушующее пламя. Ей хотелось большего. Хотелось его всего.

Макс оторвался от её губ, его дыхание было прерывистым.

— Поедем ко мне, — прошептал он, его голос дрожал.

Алиса кивнула, не в силах сказать ни слова. Её сердце бешено колотилось, предвкушая то, что должно было случиться. Стыд, страх, сомнения — всё это отступило на второй план перед лицом всепоглощающего желания. Она доверяла ему. Сейчас. В этом моменте. Она хотела этого.

Он взял её за руку, переплетая их пальцы, и повел к машине. Вся её жизнь, вся её прежняя Алиса, осталась за дверью её квартиры. Теперь она шла навстречу чему-то новому, опасному, но невероятно притягательному. Она не знала, чем закончится эта игра, но была готова рискнуть.

Макс закрыл за собой дверь квартиры на тяжелый засов, но даже не обернулся. Он тянул Алису за собой в спальню, словно боясь, что если остановится хотя бы на секунду, эта иллюзия исчезнет. В комнате было темно, только свет ночных огней Москвы пробивался сквозь панорамные окна, рисуя на стенах и их телах длинные, призрачные блики.

Он развернул её к себе, и в этом движении было столько подавляемого желания, что Алиса охнула. Он впился в её губы новым, жадным поцелуем, глубоким и требовательным. Его язык сплетался с её, исследуя каждый уголок, и Алиса тонула в этом напоре. Её руки, словно живя своей жизнью, потянулись к его плечам, чувствуя под тонкой футболкой напряженные, словно стальные, мышцы.

— Алиса — выдохнул он в её губы, отстраняясь лишь на долю секунды, чтобы жадно вдохнуть её аромат. — Ты даже не представляешь, сколько я этого ждал.

Макс начал медленно, почти с каким-то благоговением, опускать руки по её телу. Его ладони, грубые, покрытые татуировками, казались обжигающими сквозь ткань её платья. Когда он потянул за молнию на спине, Алиса вздрогнула. Ткань соскользнула вниз, обнажая её кожу, и Макс замер, глядя на неё так, словно она была произведением искусства, которое он боялся повредить.

Он подхватил её под бедра, и она обвила его ногами, прижимаясь всем телом. В этой близости не было ничего от того циничного Макса, каким он казался миру. Была только жажда,

чистая и неприкрытая. Он осыпал поцелуями её шею, ключицы, спускаясь ниже к груди, и Алиса запрокинула голову, выгибаясь в его руках. Его губы и язык дарили ей такое острое наслаждение, что у неё перехватывало дыхание.

Они опустились на кровать. Макс не торопился, но его руки были везде: он изучал её, как будто читал книгу, которую знал наизусть, но боялся забыть. Каждый его жест был пропитан желанием доставить ей максимум удовольствия. Он доводил её до грани, а когда она, извиваясь, молила его о большем, он лишь сильнее прижимал её к себе, демонстрируя свою власть и свою неспособность сдерживаться.

— Смотри на меня, — хрипло приказал он, когда они окончательно сбросили остатки одежды.

В его глазах, темных и расширенных, Алиса увидела отражение своего собственного желания. Не было больше переживаний, не было байков, не было цинизма. Был только Макс — горячий, твердый, весь пропитанный страстью к ней.

И когда он наконец соединился с ней, Алиса почувствовала, как её мир окончательно рушится. В этом акте не было грубости, которую она так боялась. Была лишь мощь, помноженная на нежность. Макс двигался уверенно и ритмично, каждым движением заполняя её, подчиняя себе, но в то же время отдавая себя всего. Она чувствовала, как он вкладывает в каждое движение всё то, что не мог выразить словами: свои травмы, своё одиночество, свою внезапно вспыхнувшую любовь.

Алиса стонала, вцепляясь пальцами в его широкую спину, оставляя следы на татуировках. Она была на пике, её тело пульсировало, требуя разрядки, и Макс чувствовал это. Он ускорил темп, его дыхание сбилось в тяжелый хрип. Он целовал её — в губы, в плечо, в шею — словно пытаясь впитать её в себя.

— Ты моя, — рычал он ей прямо в губы, и это не было требованием, это было признанием. — Только моя.

Когда долгожданный финал накрыл их обоих, Алиса почувствовала, как внутри неё взрываются тысячи искр, превращаясь в чистый восторг.

Макс замер на мгновение, вбирая в себя её пульсацию, а затем рухнул на неё, прижимая к себе с такой силой, словно хотел стереть любую границу между ними.

Они лежали в тишине, сплетаясь телами, под мерцающими огнями ночной Москвы. Алиса чувствовала, как замедляется бешеный ритм её сердца, и как рука Макса — все та же рука с кельтским узором — лениво и ласково поглаживает её по волосам. В этот момент она знала: всё изменилось. Она больше не была той «скромницей», а он перестал быть тем самым байкером из спора. Но она еще не знала, какую цену им придется заплатить за эту ночь.

Глава 7: Доверие на скорости

Ночь была густой, как велюр, и вокруг них расстился мир, который казался созданным только для двоих. Макс заглушил мотор, и грозный рык «Ducati» сменился абсолютной тишиной, лишь изредка нарушаемой шорохом листвы и отдаленным криком ночной птицы. Они стояли на небольшой поляне, где лес расступался, позволяя лунному свету заливать всё вокруг серебром. Воздух был прохладен, пах хвоей, влажной землей и чем-то неуловимо диким, первобытным.

Алиса слезла с байка, но ноги, налитые свинцом от сдерживаемого возбуждения, едва слушались. Макс стоял напротив, его силуэт казался вырезанным из темноты. Лунный свет играл на его татуировках, превращая их в живые узоры, пульсирующие под кожей. В его глазах, глубоких, почти черных, горело такое пламя, что Алиса почувствовала, как по ней пробежала дрожь. Это был уже не просто взгляд хищника — это был взгляд мужчины, который смотрел на неё, как на единственную звезду в своём тёмном мире.

Её сердце, казалось, отбивало ритм недавней бешеной скачки, смешиваясь с шумом ветра в кронах сосен. Она смотрела на Макса. В его позе, в том, как он медленно стаскивал перчатки, была первобытная грация.

— Ты дрожишь, — его голос, низкий и хриплый, разрезал тишину.

— Это адреналин, — выдохнула она, глядя прямо в его тёмные глаза.

— Это не только адреналин, — мягко возразил он, хитро ухмыляясь. Его пальцы, холодные от ветра, медленно коснулись её скулы, оставляя за собой дорожку огня. Он очертил линию её челюсти, коснулся уголка губ. Его движения были пронизаны такой мучительной бережностью, словно он прикасался к разбитому фарфору, который пытался склеить воедино. — Ты боишься не меня, Алиса. Ты боишься себя. Боишься, что, если позволишь мне коснуться своей души, от тебя ничего не останется.

Между ними оставалось совсем ничего, лишь дыхание, которое стало общим, сбивчивым. Алиса ощущала жар, исходящий от его тела, его запах — бензин, его терпкий одеколон, и что-то ещё, очень личное, что проникало в каждую клеточку её сознания. Она хотела отступить, боялась, но ноги, словно прикованные, не двигались. Её собственное тело, предательски чуткое, отзывалось на его близость, наполняясь приятной истомой.

— Алиса — его голос был хриплым, глубоким, словно шёпот самой ночи.

Она прикрыла глаза, полностью отдаваясь этому ощущению. Его большой палец нежно поглаживал её скулу, спускаясь к подбородку. Она чувствовала, как её тело тает, уступая этому невиданному напору возбуждения.

— Ты даже не представляешь, что ты со мной делаешь, — выдохнул он, и в его голосе проскользнула такая искренняя жажда, что Алиса ощутила острый укол в сердце.

Его губы коснулись её. Сначала мягко, пробуя, словно он боялся спугнуть. Потом — с нарастающей силой, с требованием, в котором не было грубости, лишь отчаянная жажда. Его язык скользнул по её губам, затем проник внутрь, и Алиса застонала, отвечая ему с такой же страстью. Она обвила руками его шею, вплетая пальцы в его короткие темные волосы, и прижалась к нему всем телом. В её груди что-то сломалось, рассыпалось на мелкие осколки, и на его место пришло всепоглощающее чувство, которое она боялась назвать любовью.

Макс оторвался от её губ, но его поцелуи скользнули вниз, к шее, к ключицам. Он вдыхал её запах, чувствуя, как его тело наливается тяжестью, а контроль над собой тает. Его руки опустились на её талию, притягивая ещё ближе, пока между ними не осталось ни миллиметра. Она ощущала его мощь, его возбуждение, его твердость, и в ней самой поднималась ответная волна желания, дикая и необузданная.

Его пальцы легко скользнули под край её кофточки, потом вниз, к молнии юбки. Алиса вздрогнула, но не отстранилась. Наоборот, она подалась навстречу, позволяя ему делать то, что он хотел. Когда ткань одежды соскользнула на землю, Макс замер, глядя на её обнаженное тело в лунном свете. Её фигура была совершенна. Он провел рукой по её бедру, и кожа Алисы отозвалась мурашками.

— Красивая — выдохнул он, и в его голосе звучало такое благоговение, что Алиса почувствовала, как её сердце тает.

Мозолистые пальцы Макса царапали ее кожу, когда он легкими движениями ласкал внутреннюю поверхность бедер прежде чем раздвинуть ноги. А когда его рот касался ее клитора, по телу разлилась волна наслаждения.

— Черт! — простонал он. — Ты такая мокрая.

Его язык снова пробовал Алису на вкус, и он продолжал свои ласки еще несколько мучительных минут до тех пор, пока ее голова не завалилась набок.

Характерная пульсация в клиторе предупреждала о приближающемся оргазме.

— Максим, — умоляла она, — пожалуйста. Я больше не выдержу.

Погрузившись в нее на всю длину, Макс тихо, вымученно выругался.

— Все в порядке? — тут же спросила Алиса.

Грудь Лебедева поднялась — он сделал глубокий вдох.

— Ты такая тесная!

Его грудь была покрыта капельками пота. Рот принял к ее шее, а его бедра продолжали совершать глубокие, быстрые толчки, которые привели Алису к оргазму.

Мир вокруг исчез. Здесь были только она и он. Душа и тело. Он с силой вошел в нее еще несколько раз, а когда тоже кончал, то впился зубами в ее шею и хрипло и довольно простонал.

Они лежали в тишине, сплетясь телами, под мерцающими звездами и лунным светом.

На следующий вечер Макс сделал то, чего никогда не делал: он привел её в свой «круг». В тот самый бар, где собирались байкеры.

Когда они вошли, музыка стихла. Дэн, сидевший за барной стойкой, чуть не выронил стакан. Его взгляд, полный собственного интереса, пробежал по Алисе, и Макс, заметив это, ещё сильнее сжал её ладонь, подаваясь вперед, как готовый к прыжку хищник.

— Знакомьтесь, это Алиса, — голос Макса звучал как официальное объявление войны. — И я советую каждому из вас помнить, кто она для меня.

Дэн молчал, не сводя глаз с Алисы. В его взгляде читалась не только ревность к Максиму, но и нездоровый интерес к ней.

— Красивая штучка, Макс, — ухмыльнулся Влад, посмотрев на Риту, которая пришла вместе с ними.

— Слышь, ты, "мастер подката", если не хочешь, чтобы я тебе стакан об голову разбила, закрой рот! — выпалила Рита. Она и Влад с первой минуты невзлюбили друг друга: он считал её «бестолковой куклой», она его — «пещерным человеком». Но в этом их конфликте было столько искр, что даже воздух искрился.

Влад расхохотался, притянув Риту за талию:

— Ого, а у подружки нашей принцессы зубки острые! Может, проверим, насколько они острые, а, Ритка?

Алиса видела, как напрягся Макс. Он был в ярости от того, как Дэн смотрел на Алису, встав из-за бара и слишком близко подойдя к ней. Он чувствовал, как ревность Дэна перерастает в нечто опасное.

— Дэн, отойди, — процедил Макс, его голос опустился до опасного рыка. — Ты переходишь черту.

— А что такого? — Дэн сделал шаг ближе к Алисе, понизив голос так, чтобы слышал только Макс. — Спорим, она даже не знает, что ты считаешь её...

Макс не дал ему договорить. Он рывком оттащил друга, их лица были в сантиметре друг от друга.

— Спор окончен. Она — всё, что у меня есть. Попробуешь испортить — я забуду, что мы друзья.

Алиса слышала лишь обрывки, но её сердце тревожно сжалось. Она видела странную перепалку, видела, как Дэн бросает на неё жадные взгляды. Она чувствовала, что за её спиной плетется какая-то грязная интрига, но пока была слишком ослеплена любовью к Макс, чтобы верить в худшее.

Она прижалась к Макс, ища защиты. А Влад и Рита в это время уже вовсю переругивались у стойки, но Алиса заметила, как Влад украдкой нежно поправил выбившийся локон Риты, а та, несмотря на гневные слова, не спешила отходить от него.

В тот вечер Макс был особенно нежен. Дома он долго целовал её, словно пытаясь защитить от всего мира. Он шептал ей слова любви, клялся, что никого никогда так не чувствовал. Алиса верила.

Глава 8: Сентябрьская симфония

Москва в сентябре была залита медовым светом. Воздух стал прозрачным, как дорогое стекло, а городские парки окрасились в цвета старого золота и жжёной меди, шелестя под лёгким ветром, будто нащёптывая тайны. Для Макса и Алисы эти недели стали временем, когда границы их миров начали стираться, словно карандашный набросок под ластиком, оставляя за собой лишь чистую, ясную линию их общего бытия.

Утро начиналось не с делового звонка будильника, а с мягкого прикосновения первых лучей солнца к окнам пентхауса и тихого сопения Алисы рядом. В квартире Макса пахло кофе, свежими круассанами из пекарни на первом этаже и тем особенным уютом, который бывает только там, где двое наконец находят друг друга. Алиса сидела на подоконнике, обхватив колени руками, и наблюдала, как Макс на кухне пытается совладать с новой, ультрасовременной кофемашиной, подаренной ему одним из бизнес-партнеров. Он выглядел почти комично: в своих дорогих домашних брюках, с засученными рукавами шелковой рубашки, он напоминал большого, немного неуклюжего зверя, который пытается освоить тонкости бытовой техники. Его брови были нахмурены в сосредоточенности, а татуировки на руках, обычно скрытые под строгой одеждой, сейчас казались продолжением его внутренней борьбы с электронным чудом.

— Ты сегодня опять сварил кофе с солью? — Алиса рассмеялась, когда почувствовала характерный, слегка солоноватый аромат, доносившийся с кухни. Она знала, что он всё ещё тайне экспериментирует с рецептами, пытаясь превзойти её мастерство.

— Это был эксперимент, который вот-вот увенчается успехом! — Макс вышел к ней, неся две чашки, одна из которых подозрительно пахла подгоревшими зёрнами. На его лице играла виноватая, но до безумия обаятельная улыбка, которая раньше была немыслима для сурового «Лебеда». — В рецепте было написано «щепотка», а я решил, что щепотка — это половина чайной ложки. Ты должна понимать, моя Алиса, у меня масштаб мышления другой.

— Да уж, масштаб катастрофы я представляю, — Алиса соскочила с подоконника и подошла к нему. Она обняла его, прижимаясь щекой к его груди, слушая мерный, сильный стук его сердца. В его запахе — смеси дорогого одеколона, свежего кофе и неуловимого аромата его собственной кожи — она чувствовала себя защищённой.

Макс замер. В этот момент он понял, что его жизнь, которая раньше состояла из графиков, сделок, рыка мотора и бессонных ночей в одиночестве, теперь сузилась до этого простого, совершенного момента: аромата кофе, утреннего солнца и этой девушки, которая стала его тихой гаванью, его домом.

«Господи, если она узнает, какой я на самом деле, она уйдёт, — пронеслось в его голове, болезненным уколом пронзая сердце. — Если она узнает о том споре нет. Я не позволю ей узнать. Я сделаю всё, чтобы она осталась. Может быть, пришло время? Может, в эти выходные в домике на реке? Кольцо уже две недели лежит в бардачке машины, ждёт своего часа. Оно ждёт мне карман, но я должен быть уверен. Должен сделать это идеально, чтобы она не смогла отказаться».

Ему хотелось быть для неё идеальным. Он учился мелочам, которые раньше казались ему недостойными внимания: помнил, какой сорт лавандового чая она предпочитает, сколько сахара она кладёт в кофе (хотя сам всё равно постоянно ошибался), какие цветы она любит (не шикарные розы, а скромные полевые ромашки). Он даже старался не гонять на байке так безрассудно, как раньше, хотя адреналин всё ещё звал его в ночь. Но теперь он выбирал её спокойствие.

Их совместное времяпрепровождение было наполнено маленькими, но бесценными открытиями. Макс открыл для Алисы «свою» Москву: он возил её на крыши зданий, которые строила его фирма, откуда город казался игрушечным, а проблемы — мелкими; показывал

укромные парки, где не было туристов, и даже водил на подпольные выставки современного искусства, где он, к её удивлению, разбирался в живописи не хуже любого искусствоведа, объясняя ей сложные концепции с таким увлечением, что Алиса, сама того не замечая, заслушивалась, видя в нём новые грани.

Алиса, в свою очередь, знакомила его с другой Москвой: уютными библиотеками, где пахло старой бумагой и надеждой; тихими кафешками с книжными полками, где они часами могли сидеть, потягивая латте и перелистывая страницы; вечерними прогулками по старым переулкам Арбата, где она рассказывала ему истории каждого дома. Она видела, как в его глазах, когда он смотрел на неё, менялось выражение — от собственнического блеска к чему-то гораздо более глубокому, чему-то похожему на благоговение, на нежность, которая пугала её своей силой.

Секс между ними стал для них способом общения, языком, на котором они говорили правду без слов. В каждой их интимной встрече, Алиса чувствовала, как Макс не просто берёт, но и отдаёт всего себя. Его руки, его губы, его дыхание — всё было наполнено такой страстью и нежностью, что она таяла под ним, забывая обо всём на свете. Он целовал каждый шрам на её теле, каждую точку, где, как он чувствовал, была боль, и Алиса отвечала ему с той же неистовой силой, впиваясь пальцами в его широкую спину, оставляя следы на татуировках.

Однажды ночью, после долгого дня, проведённого в поездке за город, где они просто бродили по лесу, как два подростка, собирая осенние листья, Макс прижал её к стене в коридоре своей квартиры. Его руки, всегда уверенные, сейчас слегка дрожали от сдерживаемого желания.

— Алиса, — прошептал он ей в волосы, вдыхая её запах. — Я иногда думаю, что это сон. Что я проснусь, а тебя нет. Что я всё это придумал. Ты слишком хороша, чтобы быть правдой.

Алиса обхватила его лицо ладонями.

— Я здесь, Макс. Я настоящая. И я боюсь, что это ты — сон.

В спальне, в лунном свете, их тела были как две части одного целого. Он был невероятно бережен, изучая каждый изгиб её тела, каждый сантиметр кожи, словно впервые. В его движениях не было прежней спешки; он хотел растянуть это мгновение до бесконечности. Алиса отвечала ему с той же страстью, чувствуя, как границы между «я» и «ты» стираются. Его кожа, его татуировки, его шёпот, его горячее дыхание — всё это было частью их общего космоса. Он ласкал её так, что она забывала своё имя, и когда он входил в неё — медленно, глубоко, с такой концентрацией любви, что у неё перехватывало дыхание — она понимала: она отдала ему не только тело, но и всё своё будущее. Они лежали в темноте, переплетаясь конечностями.

— Знаешь, — прошептал он, целуя её в макушку, — Дэн сказал, что ты меня погубишь.

— А ты что сказал? — спросила Алиса, замирая, чувствуя, как сердце сжимается при упоминании его имени.

— Я сказал, что если это и гибель, то самая прекрасная из всех возможных. И я готов сгореть в этом огне, Алиса. Лишь бы ты была рядом.

Эти недели были лучшими в её жизни. Алиса чувствовала себя женщиной, которую обожают, которую защищают, ради которой живут. Она начала планировать будущее, даже не осознавая, насколько это для неё новое и непривычное чувство: отпуск, совместные поездки в Европу, о которых она так мечтала, даже обсуждала с Максом, какой бы могла быть их жизнь. Макс слушал, кивал, и она не замечала, как в глубине его глаз иногда проскакивала тень тревоги. Он боялся. Боялся Дэна, боялся своего прошлого, боялся, что этот рай — лишь временная передышка перед надвигающейся бурей.

Днём они встретились с Ритой и Владом. Свидание вчетвером было идеей Риты, которая, кажется, поставила себе цель превратить их жизнь в бесконечный сериал «Друзья». Они отправились в небольшой парк, где Влад, человек, который обычно ассоциировался с горами

мышц и невозмутимым лицом, теперь с нежностью кормил Риту мороженым, игнорируя её язвительные комментарии по поводу его выбора вкуса.

— Влад, ты как ребёнок, ей-богу, — смеялась Рита, вытирая салфеткой его нос. — «Фисташковое»? Это же цвет плесени! Ты когда-нибудь попробуешь что-то нормальное?

— Зато самое вкусное, — невозмутимо парировал он, притягивая её за талию. — А ты попробуй, может, и тебе понравится. И вообще, не ворчи, ты же меня любишь.

— И кто тебе такое сказал? — Рита фыркнула, но её щеки предательски покраснелись.

Макс и Алиса шли чуть поодаль, держась за руки. Алиса чувствовала себя невероятно легко.

— Знаешь, — тихо сказала она, наблюдая за друзьями, — я никогда не думала, что буду так счастлива просто гулять в парке. Раньше счастье для меня было чем-то... далёким, абстрактным. А теперь оно пахнет как кофе и хрустящие листья.

Макс сжал её ладонь.

— Я тоже не думал, что буду чувствовать себя так, Алиса. Я был человеком, который строит дома, но сам никогда не имел дома. Ты — мой дом. Моя единственная крепость.

После парка они зашли в уютное кафе. Рита, после пары бокалов вина, стала особенно откровенной.

— Алиса, ты не представляешь, как я за тебя рада! — она обняла подругу. — Ты вся светишься! А Макс кто бы мог подумать, что этот brutальный байкер окажется таким милым котиком?

Макс закатил глаза, но Алиса заметила, как он улыбается.

— Рита! — Алиса покраснела, но в душе была счастлива. — Он не котик! Он он просто другой.

— А я вот, — Влад кивнул на Риту, которая уже что-то яростно объясняла Максиму про модные тенденции в дизайне интерьера. — А я вот думаю, что мы все тут немножко сумасшедшие. И это прекрасно.

Это был идеальный вечер. Смех, шутки, лёгкие подколы, ощущение полной гармонии. Алиса не могла представить, что её жизнь может быть такой полной, такой счастливой.

Позже, когда друзья ушли, они остались вдвоём в его квартире. Алиса долго сидела у окна, глядя на вечернюю Москву, которая переливалась миллионами огней. Она вспоминала их прогулки: как Макс показывал ей свои стройки, с гордостью объясняя устройство вентиляции и особенности несущих конструкций (это было безумно мило, несмотря на то, что она ничего не понимала), как они покупали смешные безделушки на блошиных рынках, как он однажды купил ей целую коробку детских книг, вспомнив её фразу о том, что ей нравится запах старой бумаги. Он помнил всё. Каждую мелочь.

Она позвонила Рите позже, когда Макс ушел в кабинет по делам.

— Рит, я боюсь, — призналась она в трубку, её голос дрожал от переполнявших её эмоций. — Боюсь, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Он... он другой. Он такой нежный, такой внимательный. Он даже кофе научился варить без соли!

— Алиса, дурочка ты моя, — смеялась Рита, её голос звучал тепло и уютно. — Ты просто наконец-то встретила того, кто тебя заслуживает! Хватит искать подвох там, где его нет. Наслаждайся! Макс по уши влюблён, это же видно невооружённым глазом! Он готов весь мир к твоим ногам положить, чтобы ты только улыбалась.

Алиса улыбалась, глядя на свои руки. Да, она была влюблена. Безумно, безнадежно, так, как никогда раньше. И она впервые позволила себе поверить в это счастье.

Макс в это время сидел в кабинете, нервно вертя в руках маленькую бархатную коробочку. Внутри неё сияло кольцо — платина, бриллиант, классика. Оно было идеальным. Он сам выбирал его, часами разглядывая камни, консультируясь с ювелирами. Он хотел, чтобы оно было таким же чистым, таким же безупречным, как его чувства к Алисе.

Его мысли были заняты только ею. *«Спор? Какой спор? Дэн, ты идиот, если думаешь, что я вернусь в это болото. Я сделаю ей предложение. Я подарю ей жизнь, которую она заслуживает. У меня есть всё: деньги, влияние, дом у реки, где мы будем просыпаться под шум воды, или квартиру с видом на Красную площадь, если она захочет. Я куплю ей весь мир, если она только скажет "да". Она скажет "да". Я верю, что она скажет "да"».*

Он представлял её лицо в тот момент, когда он опустится на одно колено. Она заплачет — она такая чувствительная — и обнимет его. Он даст ей всё, о чём она мечтала. Он станет для неё защитой, а она станет для него смыслом. Он знал, что его путь был долгим и тернистым, но сейчас, глядя на это кольцо, он верил, что заслужил это счастье.

Он не знал, что в этот самый момент, в соседней комнате, тишина его пентхауса нарушилась едва слышным уведомлением на телефоне Алисы. Дэн прислал запись. Его палец уже опустился на клавишу «Enter».

Дэн сидел в своём гараже, окружённый запахом бензина и масла. Его взгляд, полный ненависти и обиды, был прикован к экрану ноутбука. Он только что отправил файл. Ему было больно, но в этой боли читалось и злорадное удовлетворение.

«Ты сам меня попросил об этом, Макс, — прошептал он в пустоту комнаты, сжимая кулаки. — Ты выбрал её. А я выбираю себя. Ты забыл, кто ты есть. Но она напомнит тебе. И тогда ты вернёшься. Ты вернёшься в наш мир, Лебедь. Иначе ты просто сгоришь».

Он не знал, что его действия зажгли не только огонь предательства, но и искру ещё более глубокой, всепоглощающей драмы.

Вечер подходил к концу. Макс вышел из кабинета, его лицо сияло от предвкушения. Он подошёл к Алисе, которая сидела на диване, укрывшись пледом, и нежно поцеловал её в макушку.

Он чувствовал её тепло, её спокойное дыхание.

— Ты о чём-то думаешь? — спросила она, не открывая глаз.

— О том, что я самый счастливый человек в этом городе, — ответил он, прижимая её к себе. — И о том, что у нас впереди целая жизнь.

Они не знали, что этот мир, их маленький рай, продержится всего несколько часов. За окном сентябрьское небо окрасилось в багровые тона заката — цвет предчувствия, цвет пламени, которое уже готово было поглотить всё, что они так бережно строили.

Они ещё смеялись, ещё хранили тепло друг друга, ещё верили, что их любовь — крепость, которую ничего не берёт. И это было их последним мгновением абсолютного, чистого счастья.

Глава 9: Осколки правды и невыносимое прощание

Рассвет над Москвой в то утро был обманчиво тих и спокоен. Золотистые лучи солнца пробивались сквозь панорамные окна пентхауса, заливая светом просторную гостиную, где Алиса, ничего не подозревая, проснулась раньше Макса. Она потянулась, поёживаясь от утренней прохлады, и улыбнулась. Её сердце было наполнено такой нежностью и покоем, какого она не испытывала никогда в жизни. Макс спал рядом, его мощная грудь медленно поднималась и опускалась, на плече виднелся край татуировки-дракона, которую она так любила гладить пальцами. В этот момент Алиса поймала себя на мысли, что он был её миром, её защитой, её первым настоящим счастьем.

Она осторожно высвободилась из его объятий, стараясь не разбудить, и потянулась к тумбочке за телефоном, чтобы проверить время. Экран ярко вспыхнул, и Алиса увидела уведомление от неизвестного адресата. Внутри всё сжалось, предчувствуя беду, но она списала это на остатки сна и свою давнюю привычку к тревоге. Это было не просто уведомление — это был удар под дых, замаскированный под невинное сообщение. Короткая подпись: *«Смотри, кого ты называешь своим героем».*

Алиса, ещё сонная, ни о чём не подозревая, нажала на «play».

Голос Дэна, хриплый, наглый, прорезал тишину комнаты, как нож, вонзаясь прямо в её сердце. *«...спорим на байк, что эта зеленоглазая принцесса окажется в твоей постели?»*

А затем — смех Макса. Его голос, холодный, расчётливый, ставший для неё воплощением нежности и любви, теперь звучал как приговор: *«Заметано. Эта штука будет моей...»*

Алиса перестала дышать. Мир вокруг неё начал стремительно терять чёткость. Стены спальни, которые казались ей вчера крепостью любви, превратились в тюремную камеру. Каждый звук записи, каждый смешок Дэна, каждый холодный, уверенный слог Макса — всё это просачивалось в её сознание, как яд, обжигая лёгкие, выжигая душу. *«Штука».* *«Спор».* *«Байк».* Она была *штукой*. Она была *ставкой*.

Она смотрела на спящего рядом Макса, и он казался ей чужим. Чудовищем, натянувшим человеческую кожу. Татуировки, которые она целовала вчера ночью, вдруг стали выглядеть как клеймо преступника. Аромат его кожи, который ещё минуту назад был таким родным, теперь вызывал тошноту. Она ощутила тошноту, такую сильную, что едва успела добежать до ванной. Её выворачивало от осознания того, как легко её купили, как мастерски разыграли, как превратили её чувства, её первое настоящее доверие — в ставку в дешёвом пари.

Когда она, бледная, опустошённая, вышла из ванной, Макс уже сидел на краю кровати, протирая глаза. Он выглядел таким уязвимым, таким... настоящим, что на мгновение в ней всколыхнулась жалость. Но голос с записи продолжал кричать в её голове, заглушая все другие чувства.

— Алиса? Что случилось? — он заметил её состояние, его голос мгновенно стал тревожным, полным беспокойства. Он поднялся, его обнажённое тело, такое знакомое и желанное ещё час назад, теперь вызывало лишь отторжение, почти физическую боль.

Она молча сунула ему телефон. Её пальцы дрожали так сильно, что она едва не выронила его. Её взгляд был прикован к его лицу, к тому, как быстро оно менялось.

Макс слушал. С каждой секундой его лицо каменело, а в глазах нарастало отчаяние, смешанное с отвращением к самому себе. Он словно заново переживал тот момент, ту браваду, те слова, которые казались тогда невинной шуткой, а теперь звучали как приговор. Когда аудио закончилось, он поднял на неё глаза. В них не было оправданий. Там была только бездна.

— Это было в самом начале, Алиса... — его голос сорвался, превратившись в хриплый шёпот. — Дэн... он подстроил это, чтобы разбить нас. Ты должна понять, я отказался от этого спора! Я никогда не хотел этого! Я люблю тебя!

Её смех был горьким, надрывным, полным отчаяния. Он звенел в воздухе, как разбитое стекло.

— Любишь?! Ты называешь меня «штучкой» и споришь на меня с другом, как на последний байк, а потом говоришь о любви?! Ты хоть понимаешь, что ты сделал, Макс?! Ты растоптал то единственное, что было у меня настоящего! Ты растоптал мою душу!

Слова вырывались из неё, обжигая воздух, словно клеймо. Каждый звук был пропитан болью, унижением, яростью. Слезы хлынули, бесконечным потоком, смывая остатки её самообладания. Она дрожала всем телом, чувствуя, как внутри неё что-то необратимо ломается, рвётся пополам.

— Это не так! — он сделал шаг к ней, хватая за плечи. Его пальцы впились в её кожу. — Я люблю тебя! Слышишь? Люблю! Всё, что было после — это правда! Эта ночь, наш разговор — всё правда! Я хотел сделать тебе предложение! Кольцо в машине! Пожалуйста, поверь мне!

— Правда? — она горько усмехнулась, и эта усмешка была полна жгучей ненависти. — Твоя правда — это ложь, завернутая в красивую обёртку. Ты играл в любовь, Макс. И ты был настолько убедителен, что я чуть не поверила, что ты — человек. Но ты всего лишь байкер, который продал бы собственную душу за железку.

Она вырвалась из его рук, оттолкнув его с такой силой, на которую была способна. В её движениях читалось такое отвращение, что Макс пошатнулся, словно получил физический удар.

— Не прикасайся ко мне! — крикнула она, и в этом крике была такая сила отторжения, что он замер. — Никогда больше не прикасайся ко мне! Ты — всё то, что я ненавижу в мужчинах! Ты — пустышка, окружённая красивыми татуировками и дорогими машинами! Ты — ничто!

Он смотрел на неё, и в его глазах медленно умирала надежда. Он видел эту боль, эту ненависть, это полное, абсолютное отвращение, и понимал, что уничтожил всё своими же руками. Все его попытки оправдаться, объяснить, что он изменился, что спору был конец, что он хотел ей сделать предложение — всё это было бессмысленно. Она не слушала. Она не могла.

— Ты сказал, *она твоя*, — Алиса захлёбывалась слезами, её голос переходил в отчаянный вой. — Я не вещь, Макс. Я не «штучка». И больше я не буду играть в твои игры. Уходи. Немедленно уходи.

Она развернулась и побежала в спальню, начав лихорадочно собирать свои вещи. Бросала их в сумку, не глядя, куда попадает — платья, бельё, книги. Она не могла оставаться здесь. Каждый вздох в этой квартире казался ей отравленным. Каждый предмет — напоминанием о его лжи.

Макс пошёл за ней, его движения были медленными, тяжёлыми, словно он нёс на себе всю тяжесть мира.

— Если ты уйдёшь сейчас, ты разрушишь всё! — кричал он, и в его голосе слышался рык раненого зверя, отчаянно цепляющегося за ускользающее счастье. — Я готов на всё, чтобы искупить это! Я докажу тебе, что ты для меня — не ставка!

— Ты уже всё доказал, — Алиса повернулась к нему. На её щеках блестели слёзы, но глаза были сухими и мёртвыми, как пустыня. — Ты доказал, что для тебя нет ничего святого. Я не вещь, Макс. Я не «штучка». И больше я не буду играть в твои игры.

Она подхватила сумку и вышла из спальни. На её пути стоял Макс. Он пытался преградить ей дорогу, его руки были подняты, словно он хотел её обнять, схватить, не отпустить.

— Пожалуйста, Алиса не делай этого

Она посмотрела на него, и в её взгляде не было ни жалости, ни понимания. Только пустота.

— Прощай, Макс.

Она оттолкнула его, и он, не ожидавший такой силы от её хрупкого тела, пошатнулся. Алиса вылетела из квартиры, хлопнув дверью так, что содрогнулись стены пентхауса. Макс остался стоять посреди гостиной, окружённый вещами, которые она забыла — её расчёской, её любимой книгой, недопитой чашкой чая. Тишина, которая последовала за хлопком двери, была оглушительной. Он медленно опустился на пол, закрыв лицо руками. Он чувствовал, как внутри него что-то умерло. Он выиграл спор, но потерял жизнь.

Алиса не просто ушла. Она исчезла из его жизни, как мираж. Она бежала по улицам Москвы, не разбирая дороги, её лёгкие горели, а в голове стучал только один ритм: «Беги! Беги!». Слёзы наконец хлынули, застилая глаза, но она не останавливалась. Она чувствовала себя пустой, как выгоревшее здание. Раздавленной. Униженной. Преданной.

Прибежав в свою квартиру, она упала на пол и рыдала так, как не рыдала никогда в жизни. Часы слились в бесконечную агонию. Тело дрожало, душу разрывало на части. Она ненавидела его. Ненавидела себя за то, что позволила ему проникнуть в её мир, за то, что поверила в его живые слова, в его фальшивые прикосновения.

В какой-то момент, сквозь пелену слёз, она вспомнила о тошноте. О странной усталости последних недель. О том, что её цикл немного сбился. Дрожащими руками она нащупала в ванной спрятанный тест. Её пальцы были холодными, как лёд, когда она ждала результата. Две полоски. Яркие, несомненные. Мир, который только что был разрушен, теперь разлетелся на ещё более мелкие осколки.

Ребёнок. От него. От человека, который поставил её на кон. В её голове не было места для радости, только для дикой, первобытной паники. Она не могла позволить ему узнать. Никогда. Эта тайна была её единственной защитой, её единственной надеждой на спасение.

Она приняла решение. Холодное, железное, окончательное. Она уедет. Не просто от него — от всего этого мира, от всего, что напоминало о его предательстве. Она возьмёт отпуск за свой счёт, соберёт вещи, не оставив ни одной зацепки, ни одного следа. Она станет для него призраком, которого он никогда не догонит.

Позвонив Рите, она сказала, что ей срочно нужно уехать. Рита, встревоженная её голосом, пыталась выпытать, что случилось, но Алиса была непреклонна.

— Не спрашивай, Рит. Просто знай, что мне нужно исчезнуть. И никому, слышишь, никому не говори, куда я еду.

Рита, хоть и с тяжестью в сердце, согласилась. Она чувствовала, что случилось что-то ужасное, но уважала решение подруги.

Алиса собрала вещи, не глядя, что складывает в сумку. Каждую вещь она трогала с каким-то холодом в сердце, словно отрезая воспоминания. Она шла по квартире, её шаги были гулкими в тишине. За спиной — разбитое зеркало, в котором отражались образы бывшего счастья. Впереди — дорога, которой она всегда боялась. И в этом страхе была решимость: она думала не о том, чтобы забыть Макса, а о том, чтобы выжить и дать жизнь своему ребёнку, каким бы он ни оказался.

Она уехала из Москвы той же ночью, словно призрак, увозя с собой не только сумку, но и невыносимую боль, и страшную тайну. Поезд уносил её всё дальше, а за окном мелькали огни города, в котором она оставила своё разбитое сердце и свои мечты. Впереди была неизвестность. Страх. Одиночество. Но и новая, пугающая цель.

Глава 10: Архитектура пустоты и сломленная тишина

Санкт-Петербург не прощал ошибок. Он принимал в свои объятия уставших, скрывал беглецов и заставлял забывать прошлое под шум бесконечных дождей и шёпот Невы. Алиса Василевская уже **почти три года** училась дышать в этом городе, где каждый мост казался ловушкой, а каждый туман — завесой, скрывающей тени прошлого. Её прежняя жизнь в Москве, её счастье, её любовь, её предательство — всё это было похоронено глубоко под слоями питерской влажности и собственной внутренней тишины.

Алиса стояла на балконе своей небольшой, но уютной квартиры на Петроградской стороне. В руках у неё был остывший кофе, а перед глазами — серое, тяжёлое питерское небо, которое, казалось, давило на плечи, не давая расправить их до конца. Ей двадцать восемь. Срок небольшой, но в зеркале она видела женщину, чьи глаза прожили целую вечность. Уголки губ опустились вниз, на лице залегли тонкие, но глубокие морщинки, выдавая вечное напряжение. Она научилась не смотреть на байки, не оборачиваться на резкие звуки моторов, не слушать музыку, которая хоть отдалённо напоминала ту, что играла в машине Макса. Каждый ревущий Ducati на улице отдавался в её груди болезненным спазмом, заставляя замирать, вслушиваться, убеждаться, что это не он.

В комнате, за её спиной, слышалось мерное сопение. Лиза. Маленький комочек её жизни, её личный островок безопасности в этом огромном, холодном мире. Двухлетняя девочка проснулась и, потирая глаза маленькими кулачками, уже шаркала неуверенными ножками по паркету. Алиса обернулась. В эти моменты её сердце сжималось от смеси безграничной любви и жгучего, парализующего страха. Лиза была её главным достижением и её самой большой тайной. Когда дочь подходила, смотрела на неё своими ясными, зелёными глазами, в которых проскакивал тот же дерзкий огонёк, что был у Макса, Алиса замирала. Она видела в ней отражение человека, который разрушил её жизнь. Но в то же время Лиза была единственным, что удерживало её на краю пропасти, не давая сорваться в окончательное отчаяние, она была её воздухом, её смыслом, её непоколебимой крепостью.

— Мама, птичка! — Лиза дёрнула её за подол халата, указывая маленьким пальчиком на голубя, присевшего на перила балкона. Её детский голосок был чистым, как родниковая вода, и наполнял квартиру теплом.

Алиса присела перед ней на корточки, прижимая дочь к себе, вдыхая запах детских волос — мёда и солнца. Она заставила себя улыбнуться, и эта улыбка была единственным, что она умела делать искренне, глядя в эти бездонные глаза, в которых не было ещё ни боли, ни предательства.

— Да, милая, птичка. Лети, птичка, лети — прошептала она, и в этом было столько горечи, столько спрятанной боли, что она сама испугалась своего голоса. Она была птицей с подрезанными крыльями, которая научилась ходить по земле, забыв, как это — чувствовать высоту.

Её жизнь была идеальной «картинкой» для окружающих: скромная мать-одиночка, работающая, тихая, всегда вежливая. Она работала менеджером в небольшой фирме по организации выставок, и её начальница, строгая, но справедливая женщина, ценила её за исполнительность и пунктуальность, даже не догадываясь, что за этим усердием скрывается попытка заглушить вечную тревогу. Никто не знал, что под этой маской скрывается женщина, чьё сердце было разбито вдребезги три года назад в Москве. Она боялась мужчин. Боялась громких голосов. Боялась собственной тени, если та напоминала силуэт высокого мужчины с широкими плечами и татуировками. Её внутренние монологи были её единственным собеседником, её защитой от внешнего мира: *«Я не могу допустить, чтобы он её нашёл. Я не могу позволить ему войти в её жизнь. Он разрушит её, как разрушил меня. Лиза — моя. Она — моя крепость, и я буду*

стоять до последнего, чтобы защитить её от мира, который её не заслуживает, а особенно от него».

Рита. Её верная, неутомимая Рита. Спустя полгода после разрыва Алисы с Максом и своей собственной бурной ссоры с Владом (которая, по её словам, «была последней каплей в этом цирке»), Рита бросила всё и сбежала к Алисе в Питер. Она оказалась рядом в самый трудный период беременности Алисы, была с ней во время родов, держала за руку. Сейчас Рита жила в соседнем районе, работала дизайнером интерьеров, но каждый день забирала Лизу из садика, позволяя Алисе работать допоздна, не терзаясь чувством вины. Она была её единственной связью с прошлым, которое не успело окончательно сгореть. Её единственной опорой.

В Москве тем временем время замерло. Для Макса Лебедева не было ни сезонов, ни праздников. Его кабинет в «Лебедь-Строй» стал местом, где он прятался от реальности, от самого себя. За три года он превратился в легенду: его боялись, уважали, о нём шептались, называя «Железным Максом». Он больше не улыбался. Его улыбка умерла в тот самый день, когда Алиса хлопнула дверью его пентхауса. Его лицо стало резким, скулы — заострились, а глаза, когда-то тёмные и живые, теперь напоминали два выжженных кратера. В них поселилась та самая «стеклянная» пустота, которая пугала даже его самых преданных сотрудников.

Он сидел за огромным столом из тёмного дерева, рассматривая чертежи нового проекта — футуристического жилого комплекса на берегу реки. Руки, покрытые шрамами и татуировками, казались чужими. Он не был тем человеком, который три года назад дарил цветы, смеялся над своими кулинарными провалами и шептал слова любви. Он стал машиной. Макс купил себе новую жизнь, новую машину, новую мощь, но всё это ощущалось как декорации к плохому фильму, где он был главным, но бессмысленным героем.

Каждую ночь он возвращался в огромный, пустой пентхаус, где тишина была настолько плотной, что её можно было резать ножом. Он пил виски, глядя на город, который он строил, но который был ему ненавистен, потому что каждый его камень напоминал о ней. В глубине его сознания постоянно крутился один и тот же сценарий: он снова и снова проживал тот день, когда пришла запись. Он представлял, как он мог бы остановить Дэна, как он мог бы всё объяснить, как мог бы упасть перед ней на колени, чтобы она не уходила. Он проклинал себя за свою глупость, за свою самоуверенность, за то, что променял её на проклятый спор.

Его внутренняя борьба превратилась в хроническую болезнь. Он ненавидел свою слабость, свою неспособность забыть, но при этом каждая его победа в бизнесе казалась ему поражением, потому что рядом не было той, кому он хотел бы принести эту победу. Он был богат, но чувствовал себя нищим. Он был силен, но чувствовал себя слабее любого из своих подчинённых, потому что его сердце было разбито вдребезги. Его байк, его верный «Ducati», стоял в гараже, покрытый пылью — символ его проигрыша и потери. Он больше не садился на него. Не было смысла гнать в пустоту.

— Лебедев, — в кабинет без стука вошёл Влад, который, в отличие от Дэна, не отвернулся от него, хотя и презирал его за то, что случилось. Он был единственным звеном, которое связывало Макса с его прошлым, с его остатками человечности. — Есть дела. Ты меня слушаешь?

Макс поднял взгляд. Его глаза, когда-то тёмные и живые, теперь напоминали два выжженных кратера.

— Я слушаю, Влад. Говори.

— Ты же помнишь что мы расширяем филиал в Питере. Нужен человек, который будет контролировать стройку лично. Кроме тебя никто с этим не справится. Лучше всего если ты сам, как генеральный директор, возьмешь там дела под свой контроль.

Макс замер. Питер. Это слово отозвалось в нём странным гулом, будто далёкий звон колокола, возвещающий о чём-то неизбежном. Он знал, что это безумие — ехать туда, куда судьба так настойчиво толкает. Но что-то внутри него, какая-то первобытная сила, гнала его в этот город.

— Хорошо, — коротко ответил он, чувствуя, как внутри него что-то впервые за три года шевельнулось, зашевелилась слабая, едва уловимая надежда, которой он боялся дать имя. — Я поеду.

Он не знал, почему согласился. В его душе жила лишь тень надежды, настолько призрачная, что он даже не решался признаться в ней самому себе. Он ехал туда не за Алисой — по крайней мере, он так себе говорил, пытаясь обмануть самого себя. Он ехал, чтобы убежать от Москвы, которая напоминала ему о каждом мгновении их счастья и о каждом мгновении его предательства. Но в глубине его сознания, в самом его естестве, что-то уже знало: его тянуло туда, где она могла быть.

Алиса работала в небольшом агентстве, которое занималось организацией выставок. Её жизнь была циклом: дом — садик — работа — дом. Она старалась быть «невидимкой», как когда-то в Москве. Она носила вещи спокойных тонов, говорила тише, старалась не привлекать к себе внимания.

Сегодня был особенно тяжёлый день. Лиза капризничала, утро было серым, а на работе завалили отчётами. Алиса вышла на улицу, когда уже начало смеркаться. Петербург накрывал туман, город выглядел как декорация к мистическому фильму. Воздух был тяжёлым, пропитанным влагой и запахом осени. Она поёжилась, натягивая воротник пальто, и направилась к метро, когда её взгляд упал на припаркованный у обочины чёрный автомобиль.

Машина была слишком дорогой для этого района. Её формы, её мощность, её вызывающий блеск — всё в ней кричало о другом мире, о той жизни, которую Алиса оставила позади. «Lexus», подумала она, инстинктивно ускоряя шаг. Её интуиция снова взывала, как сирена, предупреждая об опасности. Она не знала, почему, но это чёрное пятно на серой питерской улице показалось ей угрозой, предвестником чего-то неизбежного.

Она не видела человека, который сидел за тонированным стеклом. Макс не выходил. Он просто смотрел. Он чувствовал, как у него останавливается сердце, как в лёгкие затекает раскалённый свинец. Она. Это была она. Она шла по тротуару, такая же хрупкая, такая же невозможная, как в его самых отчаянных снах. Он узнал её по походке, по тому, как она слегка опускала голову, когда задумывалась. По тому, как её волосы развевались на ветру.

«*Это сон. Опять этот чёртов сон*», — пронеслось у него в голове. Он боялся моргнуть, чтобы она не растаяла. Но она была здесь. В этом городе. На этой улице. Не призрак. Настоящая.

Когда Алиса прошла совсем рядом, он увидел её лицо. Она была измождённой, в её глазах застыла какая-то новая, взрослая боль, которой он не видел раньше, но которая делала её ещё более притягательной, ещё более желанной. И когда она, словно почувствовав чей-то взгляд, резко обернулась и посмотрела прямо на тонированное стекло, Макс не смог сдержаться.

Он открыл дверь и вышел.

Время для Алисы растянулось в бесконечную, мучительную резинку. Когда она увидела его — высокого, холодного, в чёрном пальто, которое делало его силуэт ещё более угрожающим, — мир вокруг неё перестал существовать. Не было ни тумана, ни шума улицы, ни прохожих. Был только он. Его глаза, в которых за три года выжгло всё живое, но в которых сейчас вспыхнуло узнавание, смешанное с ужасом, болью и всепоглощающим, диким обожанием.

Она застыла, не в силах сдвинуться с места. Её ноги стали ватными, словно земля ушла из-под ног. В голове зазвучал тот самый голос из записи, тот самый смех Дэна, и ледяная стена, которую она так долго выстраивала, начала трескаться под напором его взгляда, обнажая сырые, ноющие раны.

Макс сделал шаг к ней. Всего один шаг. Но для них обоих это была целая пропасть, которую они не преодолели за три года разлуки. Его взгляд приковал её к месту.

— Алиса — это имя прозвучало не как вопрос, а как молитва и проклятие одновременно, как признание, которое он носил в себе три года, не имея права произнести. В его голосе было столько отчаяния, столько боли, что Алиса, невольно, почувствовала, как её сердце сжимается.

Она хотела бежать. Её ноги кричали: «Беги!», но тело парализовало, словно неведомая сила держала её на месте. Она видела, как он изменился — осунулся, стал острее, как глубокие морщины залегли у его рта, придавая ему вид человека, который сжёг себя дотла и теперь только наблюдает за пеплом.

— Не подходи, — голос Алисы был сухим, ломким, почти шёпотом. Она отступила назад, в толпу, пытаясь прикрыться случайными прохожими. — Я сказала, не подходи!

Макс остановился. Он был в пяти шагах от неё, и воздух между ними искрил, как перед ударом молнии. Он видел, как она дрожит, видел, как её пальцы сжимают сумку до побелевших костяшек. В нём боролись два чувства: дикое желание схватить её, забрать, не отпускать никогда — и парализующий страх, что если он сделает хоть одно неверное движение, она исчезнет навсегда.

— Ты пряталась, — сказал он, и в его голосе не было обвинения, только глухая, беспросветная боль, которая резонировала с её собственной. — Ты чертовски хорошо пряталась, Алиса.

Вокруг них начинал сгущаться шум города. Люди проходили мимо, даже не подозревая, что прямо здесь, на Невском, сталкиваются два разрушенных мира. Алиса видела, как по его скуле пробежала нервная дрожь. Он был здесь.

И он был ранен. Ранен не меньше, чем она сама.

— Уходи, — снова повторила она, делая ещё шаг назад, растворяясь в толпе, которая казалась спасительной. — У нас нет прошлого. И будущего нет. Никогда.

Макс смотрел на неё, и в этих глазах Алиса впервые увидела не игру, не спор, не похоть. Она увидела голод. Голод человека, который три года умирал от жажды, видя перед собой лишь мираж. И этот голод был страшнее всего, потому что он был искренним. Он был готов сжечь всё дотла, чтобы утолить его.

Глава 11: Украденное время. Крик отчаяния.

Утро в Петербурге было холодным, пропитанным запахом влажного асфальта и предчувствием неизбежности. Серое небо давило, затягивая город в плотную пелену. Макс стоял в тени арки, прижавшись плечом к холодной кирпичной кладке старого дома. За эти часы, проведённые в машине, он выкурил почти пачку сигарет, и теперь его пальцы, привыкшие к тяжести строительных инструментов, мелко дрожали, но он не чувствовал ни холода, ни усталости, ни даже жгущей горечи никотина. Единственное, что он чувствовал — это ярость, которая поднималась в нём подобно кипящей лаве, сжигая всё на своём пути. Ярость на себя, на Дэна, на весь мир, который осмелился отнять у него то единственное, что имело значение. Он знал, что должен ждать. Ждал утра. Ждал того момента, когда сможет снова увидеть её.

Когда тяжёлая, деревянная дверь подъезда наконец скрипнула, Макс перестал дышать.

Алиса вышла из дома, кутаясь в бежевое пальто. Её движения были резкими, нервными, а взгляд постоянно шарил по сторонам, словно она предчувствовала опасность. Она была такой же, как в его памяти, но в то же время — бесконечно далёкой, словно их разделяла не улица, а пропасть в целую жизнь. Но не она заставила его сердце пропустить удар. Не она приковала его взгляд к тому, что теперь стало центром его мира.

За её руку держалась маленькая девочка. Она шла, смешно переваливаясь с ноги на ногу, одетая в яркий комбинезон. Её светлые волосы выбивались из-под шапочки, а крохотные варежки теребили подол Алисиного пальто. Алиса что-то ласково говорила ей, наклонившись, и девочка звонко, заливисто рассмеялась. Этот звук — чистый, как серебряный колокольчик, детский смех — ударил Макса по нервам сильнее, чем любой разряд тока. Этот смех пронзил его насквозь.

Алиса вывела девочку за ворота дома, и та, словно почувствовав что-то, обернулась, её взгляд упал прямо на то место, где прятался Макс.

Макс почувствовал, как мир вокруг него с грохотом рухнул в бездну. Скулы. Этот упрямый, гордый изгиб губ. И глаза. Те самые пронзительно-зелёные глаза, которые два года назад смотрели на него с такой надеждой, а потом — с такой ненавистью. Сейчас они были наполнены невинной детской радостью. И в них он увидел себя. Отчётливо, недвусмысленно. В этом крохотном, светлом лице, в этом детском смехе — он видел свою кровь, свою часть.

«Нет. Этого не может быть. Это бред, порождённый бессонницей и виски. Этого не может быть. Она не могла она бы не посмела»

Он сделал шаг вперёд, забыв обо всём. Его ноги сами понесли его навстречу этой картине, которая разрывала его реальность на куски, превращая его в ничтожество.

Алиса, подойдя к воротам детского сада, почувствовав чужой взгляд, резко обернулась. Увидев его, она застыла. На секунду её лицо стало белее снега, а глаза расширились от ужаса. Она инстинктивно отступила, закрывая собой ребёнка, словно пыталась спрятать его от самой смерти, от самого страшного кошмара, который мог ворваться в её жизнь.

— Лиза, иди в садик сама, быстро, — голос Алисы был полон дрожи, но в нём прорезался металл, сталь. Девочка, испугавшись маминого тона, послушно побежала к воротам детского сада, не оглядываясь.

Макс рванулся вперёд, преграждая Алисе путь. Он не смотрел на неё — он смотрел на ворота, за которыми скрылась девочка. Его лицо было бледным, искажённым от невыносимой, ядовитой боли.

— Сколько? — прохрипел он, его голос был низким, рычащим, лишённым всяких красок. Он смотрел прямо на неё, и в его глазах Алиса увидела свою вину, своё предательство, своё собственное, растерзанное сердце. — Сколько ей, Алиса? Отвечай мне, чёрт возьми!

Она отшатнулась, прижимая руки к груди. В её глазах снова застыл тот самый ужас, который он видел в ту ночь в клубе, когда она была накачана наркотиками. Она не ответила. Её губы дрожали, а взгляд был прикован к его лицу, где ярость смешалась с такой нечеловеческой болью, что Алиса, невольно, почувствовала, как её собственное сердце разрывается.

— Два года? — Макс не ждал ответа. Он сам проглотил горькую правду, которая жгла его изнутри. — Два года, Алиса?! Два года я не знал о своей дочери! Два года ты скрывала её от меня! Ты лишила меня права быть отцом! Ты украла у меня самое дорогое, что у меня когда-либо было! Ты украла моё время! Наше с ней время!

Его голос сорвался на крик, и он схватил её за плечи, его хватка была такой сильной, что Алиса вскрикнула. Его глаза горели диким, безумным огнём. Он смотрел на неё, и в его взгляде была такая ненависть, такая ярость, такая боль, такое отчаяние, что Алиса поняла: это конец. Она потеряла всё.

— Я украла?! — Алиса, наконец, взорвалась. Слезы хлынули из её глаз, но в них горела такая дикая ненависть, что Макс вздрогнул. Она с силой оттолкнула его, и в этом жесте было столько презрения, столько растоптанного достоинства, что Макс отступил на шаг, словно обжёгся. — Ты сам лишил себя этого права, когда поставил меня на кон! Ты думал, я принесу свою дочь человеку, который считает женщин «штучками»? Ты видел её первые шаги? Ты слышал её первое слово? Нет! И ты не увидишь их никогда!

— Я имею право знать! — Макс метался между яростью и желанием рухнуть к её ногам, умоляя о прощении. — Я имею право быть в её жизни! Это моя кровь! Моя дочь!

— Она не твоя вещь, Макс! — Алиса закричала, и в её голосе звенела такая мука, что небо над Питером, казалось, вот-вот прольётся дождём. — Ты не отец, Лебедев. Ты — случайный прохожий, который опоздал на три года! Ты опасен! Ты непредсказуем! Если ты хоть пальцем тронешь её, если ты хоть как-то вмешаешься в нашу жизнь, я сделаю всё, чтобы ты никогда её не увидел! Я сбегу снова! И в этот раз ты меня не найдёшь! Ты понял? Никогда!

Он замер. Ярость в его глазах сменилась ледяным, смертельным холодом.

— Ясно. Значит, по-хорошему ты не понимаешь. — Макс резко схватил её за руку, его хватка была железной. Алиса вскрикнула, пытаясь вырваться, но он был слишком силен. — Тогда поговорим по-плохому.

Он рывком потянул её к припаркованному рядом чёрному «Lexus». Алиса отчаянно сопротивлялась, била его по рукам, по груди, но Макс, не обращая внимания на её удары, одной рукой распахнул заднюю дверь машины и, толкнув, буквально затолкал её внутрь. Захлопнул дверь. Затем быстро обогнул машину и сел за руль.

Алиса билась в салоне, как пойманная птица. Она дёргала ручку, кричала, её лицо было искажено от страха и ярости.

— Отпусти! Ты не имеешь права! Это похищение!

Макс резко газанул. Машина сорвалась с места, оставляя за собой визг шин.

— У меня есть права, Алиса. — Его голос был низким, опасным. — У меня есть право на мою дочь. И я не отпущу тебя, пока мы не поговорим. Так, как я хочу.

Она осела на сиденье, тяжело дыша. Слезы текли по её лицу, но в них была не только боль, но и дикая решимость. Она знала: он не отступит. И теперь ей придётся бороться за свою дочь, за свою жизнь, со зверем, которого она сама выпустила из клетки.

В то же утро, в своей маленькой, но уютной квартире, Рита металась по кухне. Она приготовила завтрак для Лизы, но сердце у неё было не на месте. Алиса с самого утра была нервной, её взгляд был тревожным.

— Что-то случилось? — спросила Рита, когда Алиса собиралась с Лизой в садик.

— Нет. Просто... кажется, плохой день будет, — ответила Алиса, и в её голосе была такая странная, давящая нота, что Рита почувствовала: это не просто плохой день. Это начало конца.

Рита знала Алису слишком хорошо. Знала её страх, её паранойю, её постоянную тревогу. Она чувствовала, что призрак Макса Лебедева, который преследовал Алису все эти три года, наконец материализовался.

Она пыталась дозвониться до Алисы, но телефон подруги был недоступен. Тревога Риты нарастала с каждой минутой. Она подошла к окну. Улица была пуста. Но что-то в воздухе, в этой звенящей тишине, подсказывало ей, что что-то произошло. Что-то ужасное.

— Лиза — прошептала Рита, её голос дрожал. — Лиза, ты в безопасности?

Она решила пойти к садику. Её беспокойство было слишком сильным, чтобы сидеть на месте. На улицах было непривычно тихо, словно город замер в ожидании. Когда Рита подошла к воротам детского сада, она увидела воспитательницу, которая что-то взволнованно обсуждала с другой мамой.

— Что случилось? — спросила Рита, и её голос был резким.

— Кажется, какая-то ссора была. — Воспитательница была взволнована. — Ваша подруга что-то кричала и какой-то мужчина. Он её в машину затолкал, насильно.

Мир Риты рухнул. Она почувствовала, как её кровь стынет в жилах. Максим. Он нашёл её. Он вернулся. И он сделал то, чего она боялась больше всего.

Тем временем Макс гнал по улицам Петербурга, не обращая внимания на светофоры и знаки. Алиса сидела на заднем сиденье, её тело дрожало от слёз и гнева. Она смотрела в окно, её взгляд был прикован к проносящимся мимо зданиям, пытаясь понять, куда он её везёт.

— Куда ты меня везёшь?! — кричала она, её голос сорвался. — Отпусти!

Макс резко ударил по тормозам, машина остановилась на обочине, визгнув шинами. Он резко обернулся. Его глаза горели такой яростью, такой безумной болью, что Алиса замерла.

— Мы едем туда, где нас никто не найдёт, Алиса, — его голос был низким, опасным. — Мы едем туда, где ты, наконец, расскажешь мне всё. Расскажешь, почему ты украла у меня дочь. Расскажешь, почему ты молчала о дочери три года. И пока ты мне не расскажешь, ты никуда не пойдёшь. Ты поняла?

Она смотрела на него, и в её глазах была такая ненависть, такое презрение, что Макс почувствовал, как внутри него что-то надломилось. Но он не отступил. Он был готов к войне. За свою дочь. За своё украденное время. За свою разбитую жизнь.

Глава 12: Исповедь на краю бездны

Макс вёл машину на пределе скорости, его руки, сжимавшие руль, были покрыты напряжёнными жилами, а костяшки пальцев побелели. Он не просто ехал — он бежал от собственного мира, от правды, которая сейчас металась у него в голове, как раненый зверь, разрывая его изнутри.

Алиса, забившись в угол заднего сиденья, уже не плакала. Она не могла. Внутри неё всё выгорело дотла. Она видела профиль Макса — резкий, жёсткий, с челюстью, сведённой судорогой от бешенства, с пятном крови на губе, которое она сама оставила. Он был тем же Максом, которого она любила, но в то же время — чужим. Человеком, чьё сердце было покрыто шрамами его собственного эгоизма, его жестокости, его лжи. Её взгляд метался по проносящимся мимо деревьям, пытаясь найти хоть одну зацепку, хоть одну возможность для побега, но лес вокруг был густым, тёмным, и казался бесконечным.

— Куда ты меня везёшь?! — она повторила свой вопрос, и её голос, сорвавшийся на хрип, наконец прорезал гул мотора. — Ты не имеешь права удерживать меня! Это преступление, Макс! Похищение! Я заявлю в полицию!

Макс резко ударил по тормозам на обочине глухой лесной дороги, где деревья смыкались над головой, словно тюремная решётка, поглощая остатки дневного света. Автомобиль пошёл юзом, остановившись в паре сантиметров от кювета. Тишина, наступившая вслед за визгом тормозов, была страшнее крика.

Он развернулся к ней. В его глазах, тёмных и бездонных, полыхало нечто, что Алиса не могла описать — смесь боли, которой хватило бы на десятилетия, и ярости, которая искала выхода, и отчаяния, которое делало его похожим на загнанного зверя.

— Преступление? — его голос прозвучал как удар хлыста. — Ты говоришь мне о преступлении? Ты украла у меня два года! Ты лишила меня права смотреть, как растёт моя дочь! Ты превратила моё существование в бесконечную, серую пытку, пока сама играла в «мать-одиночку» в этом проклятом городе! Вот это — настоящее преступление, Алиса! Моё время! Моё отцовство! Ты понимаешь, что это?!

— Ты сам виноват в этом! — она не отступала, глядя ему прямо в глаза, хотя внутри всё тряслось от страха, а сердце отбивало бешеный ритм. — Ты помнишь, кем ты был? Ты помнишь тот спор? Ты помнишь, как называл меня «штучкой»? Я не хотела, чтобы она росла в тени твоей гнили! Я не хотела, чтобы она знала, что её отец — человек, для которого чувства — это просто игра на байке!

Макс схватил её за плечи, притягивая к себе, преодолевая остатки пространства между ними. Она чувствовала жар его тела, его дыхание, тяжёлое и сбивчивое, его запах, который теперь казался запахом опасности. Это было как будто в меня выстрелили в упор! Это было как осознание, что я все эти годы жил не просто в пустоте, а в проклятом вакууме, где не было моей крови, моего продолжения! Ты хоть понимаешь, что ты сделала со мной? Ты меня убила!

— Ты сделал это сам! — Алиса всхлипнула, и её голос дрогнул, но взгляд оставался твёрдым, упрямым. — Ты сломал меня, Макс. Я боялась тебя. Я боялась того, что ты вернёшься и заберёшь её. И теперь теперь ты здесь. Ты всегда возвращаешься, чтобы добить!

Она хотела отвернуться, вырваться из его хватки, но он не дал. Его ладонь легла ей на затылок, пальцы запутались в волосах, притягивая её ещё ближе, пока их лбы не соприкоснулись. Он смотрел на неё — так пристально, так жадно, словно пытался выжечь её образ на сетчатке глаз, впитать в себя каждый её вздох, каждую её слезу. В этом взгляде была вся та страсть, которую они делили, и вся та боль, которую он причинил. И что-то ещё, новое, что-то, что он сам не мог понять — отчаяние от потери и невыносимое, жгучее желание вернуть всё.

— Я хочу, чтобы ты знала, — прошептал он, и его голос внезапно стал мягким, лишившись всякой угрозы, но в нём была такая глубина страдания, что Алиса вздрогнула. — Я не хотел быть тем ублюдком. Я был им. Но ты ты сделала меня другим. Даже своей ненавистью. Своим уходом. Каждый день без тебя был для меня адом, Алиса. Я не жил. Я существовал. И теперь я узнаю, что у меня есть дочь моя дочь

Он приник к её губам. Это был не поцелуй желания, не поцелуй страсти — это был поцелуй отчаяния. Отчаянная попытка зацепиться за хоть что-то, что осталось между ними. Алиса сначала сопротивлялась, её тело было напряжено, как струна, готовая лопнуть, но его тепло, знакомое до каждой клеточки, его горечь, вкус виски и крови на его губах, начали просачиваться сквозь её оборону. Она почувствовала, как его губы, влажные и горячие, исследуют её, как его рука на затылке осторожно, почти с мольбой притягивает её ближе.

На мгновение она сдалась. Она ответила на поцелуй, забыв обо всём — о дочери, о Рите, о лжи, о трёх годах боли. Это было притяжение, которое сильнее разума, сильнее здравого смысла. Притяжение, которое жило в ней, сколько бы она его ни отрицала. Она чувствовала его вкус, его запах, его горечь, его боль, которая так явно передавалась ей через этот поцелуй. Её тело отзывалось на каждое его прикосновение, на каждую искру, пробегающую между ними. Её пальцы, словно живя своей жизнью, скользнули по его широким плечам, сжимая ткань его пальто.

«Нет! Не смей! Не смей опять поддаваться! — кричал внутренний голос Алисы, когда её губы отвечали на его. — Ты предаёшь себя. Ты предаёшь Лизу. Он обманет тебя снова. Он всегда обманывает!»

Эта мысль, острая и холодная, как лезвие, пронзила её. Она резко отстранилась и, собрав остатки сил, вложила их в укус — до боли, до привкуса меди на его губах. Макс охнул, отпрянув.

Это было не из жалости. Это был крик её уязвлённой души, её яростное отрицание его власти, её отчаянная попытка доказать себе, что она не сломлена, что она способна дать отпор.

Макс откинувшись на сиденье, тяжело дыша, но в его глазах, когда он посмотрел на неё, была не злость, а какая-то жуткая, искажённая улыбка, смешанная с кровью на губах.

— Я изменился! — прорычал он, и в его голосе прозвучало нечто, похожее на мольбу, на крик о помощи. — Я сдох в Москве без тебя! Я искал тебя каждую минуту! Каждый проклятый день! Я готов был отдать всё, каждый грош, каждую компанию, лишь бы снова увидеть тебя! И когда я увидел её когда я увидел её глаза

— Ты всё ещё боишься, — выдохнул он через зубы, прижимая ладонь к окровавленной губе. Его голос был хриплым, но в нём звучала мрачная констатация факта. — Боишься, что, если позволишь мне коснуться тебя ты снова начнёшь мне верить.

Алиса тяжело дышала, её волосы растрепались, помада была размазана, но она смотрела на него с вызовом, её глаза горели яростью, а на губах был привкус его крови.

— Я никогда тебе не поверю, Макс. Никогда. Ты для меня — пустое место. Просто призрак.

— Пустое место? — он криво усмехнулся, глядя на пятно крови на своей руке. — Ты только что доказала обратное. Ты боишься меня, потому что знаешь — я всё ещё имею над тобой власть. И это не изменится. И это не изменится, пока мы не поговорим. Так, как должны были поговорить три года назад.

Он не собирался бить её в ответ. Он не собирался удерживать силой. Он просто завёл мотор, и машина мягко, почти ласково покатила по дороге, оставляя позади этот безумный, кровавый момент. Алиса сидела, сжавшись в комок, и впервые за три года поняла: это будет не просто борьба за ребёнка. Это будет война, в которой она рискует потерять себя саму, потому что в глубине души, там, где она не решалась признаться даже себе, она всё ещё любила этого

человека. И это было страшнее всего. Этот укус, эта боль, этот поцелуй — всё это было лишь началом их новой, мучительной истории.

Он вёл машину по незнакомым Алисе дорогам, глубоко в лес, к своему загородному дому. Дом был из тёмного дерева, с огромными панорамными окнами, терявшимися в гуще леса. Он арендовал его совсем недавно, но теперь, глядя на него, он чувствовал, что это место должно стать их новым полем боя.

Внутри дома было тепло и тихо. Макс провёл её в гостиную, где горел камин, отбрасывая причудливые тени на стены. Воздух был наполнен запахом дерева и дыма. Он не прикоснулся к ней. Он просто указал на диван.

— Садись. Мы поговорим. И ты никуда не пойдёшь, пока не ответишь на все мои вопросы.

Алиса села, её тело дрожало. Она смотрела на камин, на огонь, который казался таким же непредсказуемым и опасным, как человек, сидящий напротив неё.

— Начни с начала, — сказал Макс, его голос был низким, но в нём не было прежней ярости. Только тяжёлая, давящая боль. — Расскажи мне всё. Как ты узнала о беременности. Как жила все эти три года. Почему ты скрывала Лизу.

Алиса подняла на него глаза, полные слёз.

— Зачем тебе это, Макс? Чтобы снова посмеяться? Чтобы понять, как сильно ты меня унижил?

— Чтобы понять, что я потерял. — Макс сжал кулаки. — Я хочу знать, о каждом дне. О каждой её минуте. О каждом твоём страдании. И о каждом моём пропущенном моменте. Я хочу знать всё, Алиса. Иначе я просто сойду с ума.

Она смотрела на него, и в его глазах она видела не игру, не месть. Она видела такое глубокое, абсолютное отчаяние, что её собственное сердце дрогнуло. Она поняла: он не играет. Он действительно сломлен. И, возможно, это был его способ искупления. Медленно, дрожащим голосом, Алиса начала свой рассказ. Рассказ о боли, о страхе, об одиночестве, о рождении Лизы в чужом городе, о её первых шагах, о первых словах, о том, как она училась быть матерью, как рядом с ней была ли Рита, которая поддерживала и помогала как могла.

Каждое её слово было как удар молота по Максусу. Он слушал, не перебивая, его лицо каменело, а в глазах стояли невыплаканные слёзы. Он представлял её одну, беременную, в чужом городе, без поддержки, без денег. И это осознание его собственной вины было для него худшим наказанием, чем любая физическая боль. Он чувствовал, как его грудь сдавливает невыносимая тяжесть, как будто он несёт на себе всю тяжесть мира.

— Я боялась, Максим, — Алиса закончила свой рассказ, её голос был едва слышен. — Я боялась, что ты вернёшься. Боялась, что ты заберёшь её. Боялась, что ты сделаешь её такой же несчастной, как я.

Макс поднялся. Он подошёл к окну и долго смотрел на лес, который окружал дом. Его плечи дрожали.

— Я не сделаю ей больно, Алиса, — прошептал он. — Никогда. Я клянусь тебе. Но ты должна знать: я не отступлю. Я буду бороться за свою дочь. И за тебя. Я верну твоё доверие. Чего бы это мне ни стоило.

Алиса смотрела на его спину, на его могучие плечи, и в её душе, несмотря на всю боль и ненависть, что-то дрогнуло. Он был монстром, который сломал её жизнь. Но он был и отцом её дочери. И в этом была вся трагедия её существования.

Глава 13: Тень третьего

После той ночи, когда Макс, не проронив ни слова, довез Алису до самого подъезда и дождался, пока она скроется за тяжелой дверью, тишина в его временном пентхаусе стала невыносимой. Он мерил шагами огромную гостиную, сжимая в руке стакан с виски. На губе всё еще была рана от её укуса — метка её ненависти, которая жгла его сильнее любого огня.

Он сел за стол и, не глядя на часы, набрал номер Влада. В Москве было за полночь, но Максу было плевать.

— Я нашел её, Влад, — выдохнул он, едва дождавшись ответа. — И у неё есть дочь. Моя дочь. Лиза. Ей два года.

На том конце провода повисла тяжелая, осязаемая тишина. Влад молчал так долго, что Макс подумал, не оборвалась ли связь.

— Ты уверен? — голос Влада был охрипшим.

— Я видел её глаза, Влад. Это мои глаза. И она она чертовски похожа на Алису. Два года, понимаешь? Она скрыла от меня два года жизни моего ребенка!

Макс почувствовал, как ярость, которую он пытался подавить ради «мирного» решения, снова закипает в венах. Он ударил кулаком по столу, заставив лед в стакане звякнуть.

— И это еще не всё, — Макс сбавил тон, и его голос стал опасно тихим. — Рита с ней. Она всё это время была в Питере, помогала ей прятать Лизу. Она знала, Влад. Знала и молчала.

Он услышал, как Влад резко вдохнул. У Влада с Ритой было самое болезненное, грязное и тяжелое расставание в их компании. Влад тогда чуть не слетел с катушек, и упоминание о ней сейчас действовало на него как детонатор.

— Рита в Питере? — голос Влада дрогнул, в нем смешались гнев и застарелая боль. — Значит, она тоже играла в эти прятки Макс, я вылетаю завтра утром. Тебе нужны юристы, это понятно, но тебе нужен и я. Я не оставлю это так. Я хочу посмотреть ей в глаза.

Макс положил трубку. Теперь он был не один, но осознание того, что вокруг Алисы выстроена стена из лжи, в которой участвовали даже его бывшие друзья, сводило его с ума.

Алиса проснулась от того, что Лиза дергала её за край одеяла. Голова раскалывалась. Вчерашний день казался кошмаром, который не закончился. Она вышла на кухню, где Рита уже варила кофе.

— Ты бледная как смерть, — заметила Рита, подавая ей чашку. — Он вчера он ничего не сделал?

— Он возил меня за город. Мы говорили. Точнее, кричали друг на друга, — Алиса закрыла лицо руками. — Рит, он угрожает судом. Он хочет забрать Лизу. Он сказал, что не отступит.

Рита выругалась, ставя кружку на стол.

— Пусть только попробует. Мы найдем лучших адвокатов. Алиса, ты не можешь просто сидеть и ждать, пока он тебя сожрет. Тебе нужно отвлечься. Тебе нужно жить дальше, чтобы Лиза не видела тебя в таком состоянии.

Алиса кивнула, но внутри была пустота. Она понимала, что «жить дальше» с Максом Лебедевым на горизонте — это как пытаться строить дом во время землетрясения.

Через час Алиса, собравшись с силами, решила выйти в магазин за молоком. Она торопилась, её мысли были заняты тем, как завтра спрятать дочь от тяжелого взгляда Макса у ворот сада. Она резко толкнула тяжелую дверь подъезда от себя, не ожидая, что за ней кто-то есть.

Глухой удар, вскрик и звон разбитого стекла.

— О черт! — Алиса выбежала на крыльцо.

На ступенях стоял высокий, русоволосый парень с пронзительно-голубыми глазами. У его ног лежала разбитая стеклянная рамка, а из пореза на его руке сочилась кровь.

— Простите! Пожалуйста, простите, я не видела! — Алиса бросилась к нему, доставая из кармана салфетки.

— Кажется, входная дверь победила в этом раунде, — парень поморщился, но тут же улыбнулся, глядя на неё. Его взгляд был удивительно спокойным, даже теплым. — Ничего страшного. Я Марк, ваш новый сосед из сорок второй. Только вчера заехал.

— Мне так жаль — Алиса прижала салфетку к его порезу. — Я Алиса. Пойдемте ко мне, я обработаю рану.

Марк не стал отказываться. Он был травматологом в местной больнице (по крайней мере, так он представился позже) и отнесся к своей травме с профессиональным безразличием. Пока Алиса искала перекись и бинты, он с интересом разглядывал гостиную и маленькую Лизу, которая тут же притащила ему свою любимую книгу.

— У вас очаровательная дочь, Алиса, — сказал он, когда она забинтовывала его руку. — И очень тяжелые двери в доме.

Алиса невольно улыбнулась. Это была первая искренняя улыбка за долгое время. Марк излучал какую-то странную, умиротворяющую уверенность. В нем не было того животного напряжения, которое всегда исходило от Макса. С ним было легко.

Макс сидел в машине через дорогу. Он видел всё. Видел, как Алиса выбежала из подъезда, как этот высокий блондин улыбался ей, как она — ЕГО Алиса — осторожно касалась его руки, а потом заводила его в ИХ подъезд. В СВОЮ квартиру.

Ярость вспыхнула в нем мгновенно. Он сжал руль так, что кожа затрещала. Его глаза полыхали диким, первобытным огнем.

«Кто это, черт возьми? Кто он такой, что она так легко улыбается ему?»

Он хотел выскочить из машины, выбить дверь и вышвырнуть этого ублюдка из её жизни, но слова Влада о «деликатности» звенели в ушах. Но терпение Макса имело предел, и сейчас этот предел таял с каждой секундой.

Вечером, когда Марк ушел, Рита застала Алису в странном состоянии.

— Ого, — протянула Рита, узнав о «дверном инциденте». — Марк, значит? Высокий, голубоглазый врач? Алиса, это знак! Это идеальный способ забыть Максима. Марк — полная его противоположность. Он нормальный! С ним ты будешь в безопасности.

— Рита, я не ищу отношений

— А зря! — отрезала подруга. — Макс должен увидеть, что ты не ждала его три года у окна. Ему нужно понять, что его место занято.

На следующий день Макс не выдержал. Он перехватил Алису, когда она возвращалась из магазина. Он буквально вырос перед ней, преграждая путь.

— Кто этот блондин? — прошипел он, хватая её за локоть. Его голос дрожал от сдерживаемой агрессии. — Кто он такой, что ты водишь его к себе домой на глазах у Лизы?

— Отпусти меня, Макс! — Алиса попыталась вырваться. — Это мой сосед. И это не твое дело, кого я вожу к себе. Ты мне никто!

— Никто?! — Макс притянул её к себе, его лицо было в сантиметрах от её лица. В его взгляде была такая концентрация ревности и боли, что Алисе стало страшно. — Я отец твоего ребенка. И я не позволю какому-то левому парню крутиться возле моей дочери!

— Ты вспомни о своих правах, когда суд вынесет решение! — выкрикнула она. — А пока — оставь нас в покое! Марк — хороший человек. Он помог мне вчера, когда я

— Помог?! — Макс рассмеялся, и это был страшный, сухой звук. — Я уничтожу его, если он еще раз подойдет к тебе. Ты меня знаешь, Алиса. Я не умею делиться.

— Ты умеешь только ломать, Макс, — тихо сказала она, и в её глазах стояли слезы. — И сейчас ты ломаешь последние крохи того, что я могла бы попытаться в тебе уважать.

Макс отпустил её руку, тяжело дыша. Его колотило от ярости и отчаяния. Он видел, как она уходит, и понимал, что каждое его резкое движение, каждое проявление его истинной, грубой натуры только сильнее толкает её в руки этого спокойного, голубоглазого Марка.

Вечером в аэропорту Пулково Макс встречал Влада. Влад вышел из терминала с одной сумкой, выглядя так, будто он не спал неделю. Его взгляд был колючим.

— Где они? — спросил Влад вместо приветствия.

— Дома. С ней и с Ритой, — Макс поморщился. — И кажется, у Алисы появился защитник. Сосед. Врач. Она на него смотрит так, как на меня никогда не смотрела.

— Врач? — Влад усмехнулся, садясь в машину. — Посмотрим, как он лечит разбитые сердца. Но сначала — Рита. Я хочу знать, почему она сделала из нас врагов.

Макс нажал на газ. Впереди была долгая, мучительная ночь, и он знал, что завтра всё изменится. Он больше не будет стоять в стороне. Если Алиса хочет играть в «нормальную жизнь» с другим — он покажет ей, что такое настоящий шторм.

Глава 14: Иллюзия нормальности и привкус пороха

Санкт-Петербург накрыла промозглая ночь. Ветер с залива швырял в окна капли дождя, которые стекали по стеклу, словно слёзы, искажая огни ночного города. В квартире Алисы было тихо, но эта тишина казалась обманчивой — она звенела, как натянутая струна, готовая порваться от любого прикосновения.

Рита сидела на кухне, глядя в окно, и в её глазах читалась странная смесь тревоги и азарта. Она знала, что Влад в городе. Она чувствовала это кожей, как чувствуют приближение грозы. Её расставание с ним три года назад было похоже на крушение товарного поезда: много шума, много огня, и груда обломков, которые каждый из них пытался растащить в разные стороны. Она сбежала в Питер не только ради Алисы, но и ради самой себя, чтобы не позволить этой разрушительной страсти сжечь её дотла.

Алиса в это время укладывала Лизу. Девочка ворочалась, цепляясь за медвежонка, и Алиса шептала ей сказку, сама не слыша своих слов. Её мысли были там, на улице, где Макс, вероятно, снова сидел в своей чёрной машине. Или где-то рядом, строя планы. Встреча с Марком днём стала для неё спасительным якорем, но сейчас, в тишине, она понимала: этот якорь лишь скребет по дну, не в силах удержать её, когда вокруг разыгрывается настоящий цунами.

— Рит, — Алиса вышла на кухню, когда Лиза наконец затихла. — Ты думаешь, он успокоится? После того, что он увидел сегодня?

Рита медленно обернулась. Она выглядела постаревшей на несколько лет за этот день.

— Макс никогда не успокаивается, Алис. Он либо захватывает крепость, либо сжигает её дотла. Но я больше боюсь не его. Я боюсь Влада. Если он здесь значит, они заодно.

Алиса опустила на стул, обхватив голову руками. В голове крутился образ Марка — его добрые глаза, его спокойная улыбка, его уверенность, которая так контрастировала с хаосом, принесённым Максом. *«Марк — это нормальность, — думала она. — Марк — это жизнь без страха. Я должна держаться за него. Я должна»* Но в то же время, где-то в глубине, она чувствовала предательскую дрожь. Ощущение губ Макса на её коже было всё ещё слишком живым. Это было физическое, почти болезненное влечение, которое она ненавидела и которое не могла в себе убить.

В пяти километрах от них, в фешенебельном отеле, Влад и Макс допивали вторую бутылку виски. Разговор шёл тяжело, как по болоту.

Макс ударил стаканом по столу.

— Она не имела права решать за меня! Лиза — моя кровь! Я два года жил в неведении, Влад! Ты представляешь, что это такое — понимать, что у тебя есть ребёнок, и не иметь возможности даже взглянуть на него?

— Представляю, — холодно ответил Влад. — Я сам был в аду три года. И я не собираюсь играть в демократию с Ритой.

В глазах Макса блеснул опасный, почти безумный огонек.

— Завтра мы идём ва-банк. Я не буду больше играть в благородство. Если этот сосед хочет быть частью её жизни — он получит свою порцию проблем. Но сначала я хочу, чтобы она поняла: Марк — это иллюзия. Я — её реальность.

— Ты с ума сошёл, Макс? — Влад вскочил. — Ты хочешь её окончательно отпугнуть? Если ты начнёшь пресовать этого парня, она вообще закроется от тебя в бетонный бункер!

— Мне плевать! — Макс был неуправляем. Его трясло от ревности, от осознания того, что кто-то другой теперь будет смеяться с Алисой, кто-то другой будет её утешать. — Я хочу, чтобы она посмотрела на него моими глазами. Чтобы она увидела, как он ничтожен по сравнению с тем, что мы прошли!

Следующее утро началось для Алисы с неожиданного звонка от Марка.

— Алиса, доброе утро! Я подумал может, сходим сегодня в музей? Выставка современного искусства, как раз то, что ты любишь. И Лизу возьмём, я знаю, что там есть детская зона.

Алиса замялась. Это было так просто, так по-человечески.

— Марк, я не уверена последние дни были такими тяжёлыми.

— Тем более! Тебе нужно развеяться. Пожалуйста, Алиса. Я буду ждать вас в два часа у входа.

Она согласилась. Рита, стоя рядом, одобрительно кивнула:

— Иди. Тебе нужно показать Максу, что ты живая, а не загнанная в угол жертва.

В два часа дня у входа в музей былолюдно. Алиса подошла, держа Лизу за руку. Марк уже ждал их, улыбаясь. Он выглядел как человек из другой, светлой жизни: в лёгком свитере, с добрыми глазами. Он поднял Лизу на руки, и та рассмеялась.

Алиса почувствовала, как её сердце немного оттаяло. Но вдруг этот звук этот низкий, рокочущий звук мотора, который она узнала бы из тысячи. Чёрный «Lexus» Макса притормозил прямо у тротуара.

Макс вышел из машины медленно. Его движения были грациозными, пугающими. Он был в тёмных очках, но она чувствовала его взгляд, пронзающий её насквозь. Он не смотрел на неё — он смотрел на Марка. Его лицо было маской холодной, расчётливой ненависти.

— Алиса, — его голос прозвучал как гром среди ясного неба. — Не ожидал встретить тебя здесь.

Марк, не теряясь, опустил Лизу на землю, но остался стоять перед ней, прикрывая её своим телом.

— Привет. Вы знакомы? — Марк задал вопрос с лёгкой усмешкой, явно не понимая, в какую игру ввязывается.

Макс сделал шаг вперёд, его плечи напряглись.

— Мы очень хорошо знакомы. Больше, чем ты можешь себе представить. — Он посмотрел на Марка, и в его глазах Марк прочитал то, чего не увидела Алиса: угрозу, которая была реальнее любого физического удара. — А ты кто такой? Очередной «друг»?

— Я Марк. Алиса — моя соседка. И, по-моему, мы с ней собрались на выставку, если ты не против.

— Я против, — отрезал Макс, делая ещё шаг. Алиса видела, как он сжимает кулаки. — Очень против.

— Макс, уйди! — Алиса бросилась между ними, закрывая собой Марка. — Ты не имеешь права указывать мне! Это моя жизнь!

— Это моя дочь, Алиса! — закричал он, забывая о людях вокруг. — И я не позволю всяким подонкам приближаться к ней!

— Подонки здесь только ты! — Марк выступил вперёд, не проявляя страха, но в его глазах появилась сталь. — Ты ведёшь себя как животное. Алиса, идём. Нам не нужно это слушать.

Макс схватил Марка за грудки, с силой дёрнув его на себя. Алиса вскрикнула, бросившись разнимать их, но Макс, казалось, перестал слышать всё вокруг.

— Ты хоть знаешь, кто она для меня?! — Макс прижал Марка к капоту своей машины. — Ты хоть представляешь, что будет, если ты ещё раз подойдёшь к ним?!

— Макс, отпусти его! Ты позоришься! — Алиса плакала, пытаясь отцепить его пальцы. — Ты ничего не добьёшься, кроме ненависти! Вдруг Лиза, испугавшись шума, заплакала. Громко, пронзительно. Это был тот же звук, что и в прошлый раз — звук, который разрезал воздух и заставил Макса замереть. Он разжал руки, оттолкнул Марка и посмотрел на Алису. В его глазах была не ярость, а какое-то бездонное отчаяние.

— Она боится меня, Алиса, — прошептал он, глядя на Лизу, которую Алиса подхватила на руки. — Благодаря тебе. Ты сделала из меня монстра в её глазах.

Он развернулся и ушёл к своей машине. Он не оглянулся. Он просто сел за руль и уехал, оставив их стоять посреди улицы, под изумлёнными взглядами прохожих.

Алиса стояла, дрожа всем телом. Марк подошёл к ней, положил руку на плечо.

— Кто это был? — спросил он тихо.

— Это был человек, который разрушил мою жизнь, — ответила она, не глядя на него.
— И который пытается сделать это снова.

Макс сидел в своей машине в паре кварталов оттуда, вцепившись в руль. Его колотило. Он только что проиграл. Он повёл себя как последний подонок, и теперь Алиса ненавидит его ещё больше. Но он не мог по-другому. Ревность была как кислота, разъедающая его мозг.

«Я должен действовать иначе, — думал он, глядя на пятно крови на своей рубашке. — Я должен сломать их, но не грубостью. А чем-то другим. Чем-то, что заставит её вернуться ко мне сама».

Он достал телефон и набрал Влада.

— Влад, забудь про суды. Мы переходим к плану «Б». Мне нужно, чтобы этот «скульптор» исчез из города. Без следов, без шума. Просто сделай так, чтобы он перестал существовать в её жизни.

— Ты с ума сошёл, Макс? — голос Влада дрожал от напряжения. — Ты же обещал!

— Я передумал. Я верну свою семью любой ценой. И если для этого нужно убрать мусор с дороги — я это сделаю.

Влад промолчал, но Макс знал: он сделает это. Потому что у них не осталось другого выбора.

Глава 1

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.